

А. Н. Степанов

ПОРТ-АРТУР

Том 1

Битвы на все времена

Александр Степанов

Порт-Артур. Том 1

Издательство "Руда"

1940

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+ 63.3(2)53

Степанов А. Н.

Порт-Артур. Том 1 / А. Н. Степанов — Издательство "Руда",
1940 — (Битвы на все времена)

ISBN 978-5-6042789-8-7

Роман «Порт-Артур», один из лучших исторических романов советской литературы, посвящен русско-японской войне 1904 – 1905 гг. Используя огромный документальный материал и личные наблюдения, автор рассказал в нем правду о героической многомесячной обороне крепости Порт-Артур, художественно-достоверно выписав образы русских патриотов – адмирала Макарова, генералов Белого, Кондратенко, многих офицеров и солдат.

УДК 82 + 94
ББК 84(2)-44+ 63.3(2)53

ISBN 978-5-6042789-8-7

© Степанов А. Н., 1940
© Издательство "Руда", 1940

Содержание

Предисловие	6
Том 1	10
Часть 1	11
Глава первая	11
Глава вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Николаевич Степанов

Порт-Артур

Том 1

© Степанов А. Н., наследники, 2019 г.

© Заикин А. Ю. иллюстрация, 2019 г.

© ООО Издательство «Руда», 2019 г.

Предисловие

Некогда Вольтер на века вперёд определил развитие литературы фразой: «Все жанры хороши, кроме скучного». Неизвестно, следовал ли этому совету писатель Александр Степанов, держался ли этой идеи во время написания своей знаменитой книги о Порт-Артуре, но она получилась полностью подтверждающей эти слова. Афоризм Вольтера выделился из его предисловия к комедии «Блудный сын», где классик мировой литературы подчёркивал необходимость нового направления в искусстве – переплетения устоявшихся канонов: «смешение серьёзного с шуткой, комичного с трогательным».

И действительно: представленное А. Степановым историческое полотно катает читателя как на американских горках. Патриотизм здесь тесно соприкасается с предательством, лиричным переживанием главных героев – прапорщика Звонарёва и Вари Белой – сопутствуют словно взятые из французских комедий эпизоды. Нежнейшей влюблённости и преданности никак вначале нельзя было ожидать от ещё одного заглавного персонажа – кутёжника, прирождённого солдата «ведьмеда» Борейко. Предъявляемые изначально с карикатурным оттенком солдаты Блохин, Заяц и генерал Надеин в дальнейшем раскрываются как искренние и порядочные люди, мужественно защищающие крепость. Батальные сцены чередуются с описаниями обедов у Веры Алексеевны Стессель. Пассивности и трусливости одних персонажей противопоставляется героизм других. И даже закрученная шпионская тема время от времени превращается в фарс. Да что говорить, если автор удачно сочетает историческую достоверность с художественным вымыслом...

Русско-японская война была глубоко трагичной, последствия её привели к событиям революции 1905 года. Почему русские тогда проиграли, и была ли у них хоть малая возможность победить? Александр Степанов смотрит в прошлое довольно категорично. Он трактует те дни так, будто люди на самом деле могли знать о замыслах противника и принимать ответные адекватные действия. Легко строить версии, опираясь на воспоминания свидетелей, – наверное, эта главная претензия к роману, предъявляемая современниками автора. Которые, тем не менее, забывают, что перед ними чисто художественное произведение, а не уже имевшие место быть едва ли не документальные работы В. Семёнова и А. Новикова-Прибоя.

Брать историческое событие в основу художественного исследования – всегда дело не особо благодарное, а событие не столь однозначное – вдвойне. Мало какой человек нейтрально отзывался о поражениях России в русско-японской войне, тема оказалась весьма болезненной. Только с одним все согласны – это была новая, ранее неизвестная война, предъявившая требования к устоявшимся формам ведения сражений, рушившая традиционный сложившийся уклад. Именно в таких условиях могло состояться противостояние между адмиралом и великим князем, именно таким образом младшие офицеры на передовой оказались честнее и умнее своих генералов. Именно здесь возникает ситуация казни солдатом неугодного офицера. «Пробуждение самосознания», по словам прапорщика Звонарёва, боль за судьбу «русского оружия» на этой войне активно стирает разницу в погонах. Эту мысль автор методично вкладывает в уста персонажей, как, например:

«– Тебе полагается золотой крест второй степени, но такого у меня нет сейчас, – сказал генерал артиллеристу. – Я тебя только поздравляю, а крест получишь в штабе района.

– Покорнейшие благодарю, ваше превосходительство. Крест мне тут без надобности, ещё потеряю, – ответил Блохин.»

И, в свойственной ему манере, в превосходной степени описывает тех представителей высшего командного состава, кто понимает необходимость тесной связи с солдатом, уважает его человеческое достоинство, поскольку такого рода боевые действия приводят любой чин к близкому противостоянию с противником, а значит – по своему положению ровню с рядо-

выми воинами. Писатель не скрывает своего восхищения и сочувствия к «солдатским генералам» Кондратенко, Белому, адмиралу Макарову. Вера в русского матроса, внимание к простому человеку, защита интересов честно выполняющих своё дело – та отличительная черта, которой писатель оделяет этих военачальников.

Именно подобное разделение независимо от чина – на людей дела и людей, заботящихся только о собственном благополучии, – уже позволяет говорить о русско-японских баталиях как о совершенно новом виде войны. А добавим к этому ещё и технические новинки. Впервые широко применялись такие виды оружия, как одиннадцатидюймовые мортиры, скорострельные гаубицы, пулемёты «Максим», ручные гранаты, заграждения из колючей проволоки, противоминные заграждения. Порт-Артур стал местом рождения миномёта. И писатель наглядно демонстрирует нам зарождение той или иной технической идеи, производимой как раз неравнодушными защитниками крепости, со смекалкой, с творческой инженерной жилкой. Не отстаёт от бойцов и медицинский персонал. Варя Белая по-хозяйски, по-домашнему, можно сказать, формирует устройство лазарета, вовлекая в свою идею всё большее количество сторонников. И хирурги спасают жизни в непривычных для них условиях: во время движения корабля, во время обстрела, всё чаще на свой страх и риск уходя от того, что «предписано». Нарушение нелепых приказов, субординации, инициативность – ставятся писателем в заслугу, что помогает ему показывать истинную народность той войны. Однако предъявляется и обратная сторона: когда генерал Стессель в угоду амбициям скрывает приказ о своей отставке, когда адмирал Старк стремится оправдаться, не желая уходить с должности.

Говоря о войне нового типа, автор не упускает и моменты вероломного нападения японцев – без объявления войны. Отдельной интригой выводит ранее небывалую разветвлённую и отлично замаскированную шпионскую сеть. И, как уже заложено в манеру повествования, порой с болью, а порой сатирически обнажает главную проблему той войны – отсутствие единой стратегии действий у флота и армии: взаимное непонимание проблем у руководства, отсутствие в артиллерии людей, понимающих морские сигналы. Присутствие флота у Порт-Артура для одних оборачивается проблемой вплоть до желания изгнать флот из порта, другие же воспринимают это как спасение – при общей нехватке снарядов и орудий только совместными усилиями можно сражаться с врагом. И тут же автор показывает, что рядовые матросы и солдаты воюют бок о бок, порой невзирая на решения своих военачальников.

Как и положено в историческом повествовании, писатель А. Степанов просто обязан осмыслить собственную точку зрения и предложить её читателю, пригласить его к диалогу. Недаром публикации романа вызвали многочисленные отзывы, письма к автору с рассказом о деталях того или иного сражения. Что в дальнейшем ложилось в основу переоформления сюжета, писатель неоднократно возвращался к тексту, исправляя, дополняя, предлагая новую редакцию произведения, чем объясняется сложная дата написания: «1939–1941–1944–1958». Наиболее значительной доработке роман подвергся к 1955 году, когда в него были включены целые главы, ранее публиковавшиеся отдельно. При этом, однако, автор не отступает от главной своей задачи – это произведение не историческое до буквы, а само по себе несущее ценность художественную. Именно поэтому писатель не откликается на критику, что на самом деле никакого бала у адмирала Старка накануне войны не было, что некоторые события поставлены не в той последовательности. Порой художественный язык заставляет сомневаться в подлинности тех или иных приведённых документов (к примеру, дневник офицера штаба генерала Оку имеет в изобилии диалоги и описания размышлений генерала, что нехарактерно для дневниковых записей). Но так же можно обвинять и художника в искажении деталей на картине, написанной не для воссоздания фотографической точности, а для придания сюжету эмоциональности, вызванной сопереживанием, порицанием, – словом, для отклика в душе.

Культурная значимость произведения всегда оценивается не с позиции приближённости к фактам, а благодаря присутствию общечеловечной сверхидеи. В зависимости от мощи

высказанной сверхидеи то или иное произведение занимает своё почётное место на негласном олимпе мировой литературы. Немаловажное значение имеют и использованные выразительные средства языка, талант выстраивания сюжетных композиций.

Благодаря тактике переплетения жанров А. Степанов вполне лихо формирует событийный ряд вокруг фигуры прапорщика Звонарёва. Именно для этого он сделан основным героем романа, поскольку по роду обязанностей инженера-техника должен бывать в различных частях крепости и общаться с его защитниками. При этом, когда глазами остальных персонажей читатель наблюдает ситуации как бы изнутри, прапорщику всё в новинку. Он, словно д'Артаньян в Париж, только что прибыл, ему многое незнакомо, непонятно, но времени на раздумья нет, необходимо срочно вникать во всё и всюду, а ранее неизвестные ему люди к концу произведения обретают статус лучших друзей, за которых возможно отдать жизнь. Вводя в повествование романтические истории Звонарёва и других персонажей, автор имеет возможность не только показывать проявления их личностных качеств, но и внутренние переживания, отчего его герои становятся наиболее оживающими, едва ли не родственниками читателю, за них хочется переживать, за них подначивает радоваться.

Способствует воссозданию образов совершенно живых персонажей избранная писателем диалоговая форма. Недаром на основе произведения были созданы театральные постановки и написан сценарий – произведение вполне кинематографично именно благодаря продолжительным и разноплановым диалогам. При том талант писателя проявился именно в подаче человеческой речи, придерживаясь точки зрения её естественности и разнообразности. Этот художественный приём вырастает из классической литературы, ориентированной именно на драматургию: Гоголя, Островского, Салтыкова-Щедрина, Чехова. В дальнейшем его отточит Шукшин, как никто соприкасая литературу с кинематографом. Речевые дефекты, простонародные выражения, как всегда у писателя – на контрасте, соседствуют с холёной, грамотно выстроенной речью офицерского сословия; при этом чем лицемернее персонаж, тем более гладкие, более холодные у него фразы, а чем персонаж естественнее, тем искренней его слова, пусть и грешат неточностью формулировок. Порой писатель, будто наслаждаясь владением таким художественным инструментом, играет с читателем, выкладывая весь свой диапазон таланта. Это отчётливо видно на примере фраз Вари Белой, где благородство соседствует с горячностью, ревность – с влюблённостью: в зависимости от ситуаций её речь гарцует, как сама героиня на своём излюбленном скакуне.

Если же говорить о сверхидее романа – главная удача книги, что А. Степанов осознаёт значение совести. Его герои на самом деле не могли заботиться о ком-то другом. Для них данное поведение должно стать противоестественным. Но читатель видит проявления мужества и героизма смилившихся с необходимостью воевать людей. Если задуматься, что для них Порт-Артур? Эта дилемма прекрасно определена Львом Толстым в «Войне и мире», где Болконский под Аустерлицем отчётливо понимает свою ненужность на этой чужой земле, а позже – свою сопричастность Родине у Бородино. Если вдуматься – крепость принадлежит Отечеству только отчасти, это арендованные земли. И пусть на данный момент они крайне необходимы государству, но так же необходимы и всевозможным авантюристам, вроде Сахарова, использующим войну с целью личного обогащения. И на примере этого персонажа заодно видим, что путь сей бесславен и заведомо обречён.

За что сражаются наши герои? Действительно: вся Русско-японская война прошла словно на излюбленном приёме писателя Степанова – на контрасте. С одной стороны – сокрушительные поражения, с другой – невероятное мужество русских солдат и матросов, которым восхищаются даже японские генералы. За далёкое Отечество ли льют они свою кровь, не сумевшее достаточным образом подготовиться к этой войне? Не за предающих же русского солдата генералов? Не за офицеров же, фонтанирующих нелепыми идеями и поддерживающих свой авторитет только при помощи кулаков? Раскрывая душевную щедрость, мужество и стойкость

защитников Порт-Артура, писатель стремится показать, что там потерпел поражение не русский народ, а командование не имеющих совести лжепатриотов. Перед кем же совестно нашим героям? Это выверено в словах старого солдата Капитоныча:

«Я в Севастополе воевал с англичанами, французами, турками, сардинцами и знаю, что супротив русского солдата никто не может устоять!»

Истинные защитники Порт-Артура, как и отважные матросы названных поимённо кораблей, не имели права покрыть позором честь русского воина. Как и нам не пристало бы забывать об их великих подвигах.

Михаил Стрельцов, член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра

Том 1

Часть 1

Глава первая

Ясный морозный день клонился к вечеру. Солнце освещало косыми предвечерними лучами Порт-Артур¹ и окружавшие его мрачные серые скалистые горы. С моря дул слабый ветерок, сметая сохранившийся ещё кое-где снег.

В порту и в городе необычайное для будничного дня оживление. Всё чиновное русское население Квантуна двадцать шестого января 1904 года² съехало в Порт-Артур, где сегодня состоится традиционный бал в день Марии. На этот раз он должен был быть особенно торжественным, ввиду того что в числе именинниц также была жена начальника порт-артурской эскадры вице-адмирала Старка – Мария Ивановна.

С полудня поздравители длинной чередой потянулись к дому адмирала, а вечером там же должен был состояться бал. Всем хотелось хотя бы одним глазком взглянуть на празднично одетую публику, на блестящих моряков и военных, принарядившихся штатских. Сам наместник царя на Дальнем Востоке, адмирал Алексеев³, обещал со своим блистательным штабом посетить этот бал.

Ввиду тревожного времени уже с семи часов вечера к адмиральскому дому стали съезжаться и сходитьсь многочисленные гости. Первыми появились мичманы и лейтенанты и сухопутные офицеры со своими дамами, затем прибыли капитаны всех рангов и полковники в золотых мундирах, с тяжёлыми густыми эполетами на плечах. Они и их жёны составили почётную свиту около адмиральской четы, приветливо встречавшей гостей.

Адмиральский дом быстро наполнялся. В зале оркестр заиграл полонез, и флаг-офицер⁴ адмирала Старка, лейтенант Дукельский, высокий красивый шатен, предложил кавалерам приглашать дам. За полонезом последовал вальс, и бал развернулся.

Жена адмирала наблюдала за танцующими, перебрасываясь замечаниями с окружающими. Но вот дежурный вестовой доложил о прибытии самого наместника. Адмирал с женой поспешили ему навстречу.

¹ **Порт-Артур** (Люйшунь) – город, незамерзающий порт и военно-морская база Китая на юго-западе Ляодунского полуострова – Квантуинском полуострове, у входа в заливы Ляодунский и Бохайвань. Порт и крепость построены в 80-х годах XIX века на месте рыбацкой деревни Люй-шунь-коу. В 1894 году во время японо-китайской войны 1894–1895 годов Порт-Артур был взят японскими войсками, многие крепостные сооружения были ими разрушены. По Симоносекскому договору 1895 года Порт-Артур отошёл к Японии, но под давлением России, Германии и Франции был возвращён Китаю. 15 (27) марта 1898 года в Пекине была подписана Россией и Китаем конвенция, по которой Квантуинский полуостров с крепостью Порт-Артур передан России в аренду на двадцать пять лет. Квантуинский полуостров и прилегающие к нему острова образовали Квантуинскую область, которая в 1903 году вместе с Приамурским генерал-губернаторством вошла в состав наместничества на Дальнем Востоке. Во главе наместничества был поставлен адмирал Алексеев. После окончания Русско-японской войны по Портсмутскому мирному договору 1905 года арендные права на Порт-Артур перешли к Японии. Японская оккупация длилась до 1945 года, когда советские войска разгромили японские самурайские части. В настоящее время Порт-Артур принадлежит КНР. (Примечания к тексту произведены на основе издания: Москва: Правда, 1985 г. – Ред.)

² «26 января 1904 года» – все даты в тексте даны по старому стилю.

³ **Алексеев Евгений Иванович** (1843–1918) – адмирал, генерал-адъютант, в 1903–1905 годах – царский наместник на Дальнем Востоке с подчинением ему Приамурского края, Забайкальской области, Маньчжурии и Квантуинской области. С началом Русско-японской войны назначен главнокомандующим всеми морскими и сухопутными силами на Дальнем Востоке. После поражения русских войск на реке Шанхэ в октябре 1904 года был освобождён от обязанностей командующего и заменён генералом Куропаткиным. Алексеев был незаконным сыном Александра II и, следовательно, братом Александра III.

⁴ **Флаг-офицер** – офицер, состоящий при флагмане, ведающий сигнальным делом и выполняющий адъютантские обязанности.

Алексеев, ещё не старый человек, с открытым приветливым лицом, в придворном мундире, почтительно поцеловал руку адмиральши, принес ей свои поздравления, и вошёл с нею в зал.

Музыка смолкла, и все замерли в глубоком поклоне перед его высокопревосходительством. Алексеев сделал общий поклон собравшимся и попросил продолжать танцы. Пары вновь завертелись.

Наместник был озабочен. Ему назойливо вспоминались ещё два дня назад полученные телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией⁵, которые до сих пор не были опубликованы и о которых знали даже не все старшие начальники из сухопутных. Вспомнилось и сегодняшнее донесение гражданского губернатора Квантунской области о поспешном выезде японцев из Квантуна. Но особенно неотвязно вертелось в голове Алексеева его собственное распоряжение о несвоевременности постановки противоминных сетей ограждения на судах, стоящих на внешнем рейде.

Несмотря на успокоительную телеграмму министра иностранных дел Ламсдорфа⁶, категорически отрицавшего возможность войны, смутное опасение всё же портило настроение Алексеева. Он ежеминутно ожидал распоряжений из Петербурга или известий от находящихся в корейском порту Чемульпо крейсера «Варяг» и канонерки «Кореец».

Поэтому, когда к нему подошёл Старк и шёпотом допросил разрешения покинуть бал и отправиться на эскадру, Алексеев только одобрительно закивал головой.

– Забирайте всех нужных вам офицеров, но потихоньку, без переполоха. Публика и так сегодня нервничает в связи с отъездом японцев. Бал должен продолжаться. Это внесёт общее успокоение в умы. Завтра я обязательно сам побываю на эскадре, – проговорил он.

Танцы продолжались, время шло, но никаких тревожных известий не поступало, и даже состоящий при Алексееве представитель министерства иностранных дел Плансон, которого в Артуре называли дипломатическим барометром, был, против обыкновения, спокоен и мирно беседовал с известными артурскими негодьями: англичанином Томлинсоном и американцем Смитом. Оба они вели большую торговлю с Японией и были весьма заинтересованы в отношениях России и Японии.

– Никогда Российская империя не была так далека от войны со Страной Восходящего Солнца, как сегодня, – уверял Томлинсон, высокий, рыжий, краснолицый мужчина лет сорока. – Мы, англичане, никогда не допустим до этого. Война принесёт огромные убытки нам, мирным предпринимателям. В качестве союзника Англия всегда сумеет обуздать японскую военщину, если она только вздумает рискнуть на такую авантюру, как война с Россией.

– Япония слишком бедна, чтобы вести большую войну. И никто ей не даст денег на такое проблематичное предприятие, как единоборство с русским колоссом, – вторил англичанину Смит.

Плансон недоверчиво поглядывал на своих собеседников. Мнения их далеко не совпадали с действиями английского правительства, которое всего полтора года как заключило военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая⁷. Совсем недавно в

⁵ «...телеграммы о разрыве дипломатических сношений с Японией» – начиная военные действия против России без объявления войны, Япония, считаясь с мировым общественным мнением, проявила некоторую осмотрительность: 24 января (6 февраля) 1904 года были прерваны русско-японские переговоры в Петербурге, прекращены дипломатические отношения с Россией. Однако, чтобы использовать преимущество внезапности нападения, японское правительство создало впечатление, что это не означает начала войны, а является лишь средством давления на царское правительство. В связи с этим адмиралу Алексееву была послана телеграмма с указанием соблюдать осторожность, чтобы не спровоцировать военные действия.

⁶ Ламсдорф (Ламсдорф) Владимир Николаевич (1841–1907) – граф, дипломат, служивший в министерстве иностранных дел с 1866 года. В 1900–1906 годах – министр иностранных дел. Сторонник мирного урегулирования с Японией корейско-маньчжурского вопроса.

⁷ «...военный союз с Японией, направленный в основном против России и Китая...» – речь идёт об англо-японском союзном договоре 17 (30) января 1902 года, по которому договаривающиеся стороны обязались соблюдать нейтралитет,

печати промелькнуло сообщение о предоставлении Америкой крупного займа Японской империи. Как дипломат, Плансон понимал, что союз и заём имеют общую цель – усилить военную мощь Японии и обеспечить ей тыл на случай войны. Плансону было только неясно, когда именно предполагает Япония начать военные действия против России, сейчас или через год-два. Сегодняшний отъезд японцев из Артура, конечно, был тревожным признаком, но в то же время было известно, что японский консул в Артуре сегодня обедал у генерала Стесселя, побывал у наместника и адмирала Старка и всех заверил в полном миролюбии Японии и набрал много поручений в Нагасаки, обещаясь в недельный срок все покупки доставить в Артур.

– В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединённый флот вышел в море⁸ по неизвестному направлению, – заметил Плансон.

– Это не более чем обычные в японском флоте зимние манёвры, – отозвался Смит.

– Ни о чём другом сейчас не может быть и речи, – подтвердил Томлинсон.

Несколько успокоенный, Плансон отошёл к другим гостям.

– Как вы думаете, мистер Смит, рискнут японцы начать «спектакль» в ближайшие дни? – спросился Томлинсон.

– Получивши деньги, надо делать то, на что они даны. Японский консул заверил меня, что флот микадо⁹ находится в полной боевой готовности.

– Вы правы. За этим наблюдают офицеры британского флота, которые находятся при штабе японского адмирала Того¹⁰. Они сумеют заставить его выполнить принятые на себя обязательства, – согласился Томлинсон.

– От моего брата, командира американского стационара¹¹ в Чемульпо, я знаю, что там вскоре появится японский флот, – конфиденциально сообщил Смит.

– Возможно, что одновременно он появится и перед Артуром, – добавил Томлинсон.

– Наберёмся немного терпения и проследим, как будут развёртываться события. Всё же следует заблаговременно запастись паспортом о подданстве нейтральных стран, например, Швейцарии или Мексики.

– Я предвосхитил вашу мысль, мистер Смит; уже неделю как стал швейцарским подданным и за действия англичан не отвечаю.

– С месяц как я имею в кармане мексиканский паспорт, – в тон ему заметил Смит.

Дурное настроение Алексева стало понемногу рассеиваться. Под звуки музыки время проходило быстро, и незаметно дошла очередь до мазурки, считавшейся, по артурским обычаям, гвоздём каждого бала.

Наместник поднялся и встал с именинницей в первой паре. Заиграла музыка, и Алексеев, с неожиданной для его тучной фигуры лёгкостью, заскользил со своей дамой по паркету. Весь зал с вниманием следил за этой парой. Когда очередь дошла до сольных номеров и наместник

если одна из сторон, защищая свои интересы в Китае, окажется в состоянии войны с третьей державой, и о военной помощи в случае столкновения с двумя и более державами.

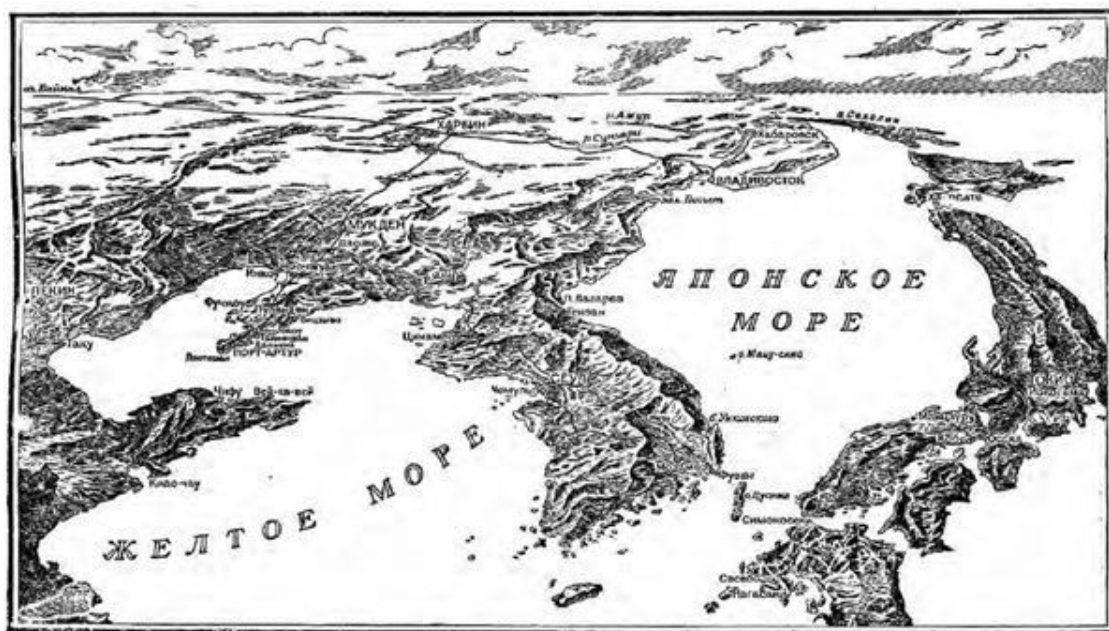
⁸ В газетах промелькнуло сообщение, что японский объединённый флот вышел в море...» – в тот же день, когда были прерваны дипломатические отношения с Россией, – 24 января (6 февраля) 1904 года – японский объединённый флот действительно вышел в море и направился к Порт-Артуру. Однако в печати сообщение об этом не могло появиться, так как одновременно в Японии было введено строжайшее запрещение посылать телеграммы за границу, и даже русская миссия и её военно-морской атташе не смогли сообщить в Петербург о выходе эскадры.

⁹ Микадо (дословно – «возвышенные ворота») – титул японского императора; в самой Японии более распространён титул «тенно» – «божественный».

¹⁰ Того Хэйхатиро (1847–1985?) – вице-адмирал, командовавший японским соединённым флотом, блокировавшим Порт-Артур в 1904 году, и разбивший эскадру адмирала Рожественского в Цусимском проливе (прим. 1985 г.). Маркиз Того был удостоен всех высших наград Японии и стал начальником Главного морского штаба. В 1913 году был удостоен почётного титула Маршала флота. Во время Первой мировой войны Того уже не занимал никаких официальных постов, но участвовал в принятии большинства важных решений, связанных с флотом. С 1914 по 1924 год он был одним из воспитателей наследника престола принца Хирохито – будущего императора Японии. После окончания Первой мировой войны Того вышел в отставку и отошёл от дел. Скончался в 1934 году (прим. ред.).

¹¹ Стационар – судно, постоянно находящееся на стоянке в иностранном порту.

опустился на колено перед дамой, медленно кружа её вокруг себя, стёкла неожиданно задрожали от гула артиллерийской стрельбы. Сквозь окна были видны многочисленные зарницы выстрелов, звуки которых сливались в сплошные раскаты грома.

Рельефная карта театра войны

Весь зал дружно зааплодировал и танцевальному искусству превосходительной пары, и неожиданному, столь своевременному салюту эскадры, за который приняли стрельбу многие из присутствующих. Сам Алексеев совершенно забыл о своих недавних опасениях. Стрельбу же посчитал за проводимое нынешнею ночью учение по отбитию минных атак. Это счастливое совпадение стрельбы с его выступлением на балу окончательно привело Алексеева в отличное настроение.

Общее оживление усилилось, и пары закружились ещё быстрее под аккомпанемент артиллерийской стрельбы. Бал продолжался.

В квартире командира Квантунской крепостной артиллерии генерал-майора Василия Фёдоровича Белого¹² по случаю именин его жены Марии Фоминичны состоялся небольшой семейный вечер. Молодёжь танцевала в зале под рояль, артиллеристы усердно звенели шпорами и стучали каблуками об пол, вертя до упаду своих дам. Пожилые «матроны» расселись вдоль стен и, наблюдая за молодёжью, судачили между собой.

Местный сердцеед, командирский адъютант Коля Юницкий, на ломаном французском языке дирижировал танцами, на ходу отпуская комплименты дамам.

В соседней комнате за карточными столами сидели старшие офицеры во главе со своим генералом. Огромный, толстый, с лицом, заросшим волосами до самых глаз, полковник Тахателов шумно упрекал своего командира за ошибки в игре. Генерал молча записывал штраф мелком на зелёном сукне. Два других игрока – пышноусый капитан Гобято и седой полковник Стольников – подсчитывали выигрыши.

За соседним столом также шла оживлённая игра.

¹² **Белый** Василий Фёдорович (1854–1913) – русский генерал от артиллерии, один из доблестных защитников Порт-Артура. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. В 1886–1902 годах служил в крепостной артиллерии Карса, Севастополя, с 1902 года – начальник Квантунской крепостной артиллерии.

Раздавшиеся с моря выстрелы вызвали среди присутствующих недоумение.

– Следует запросить моряков об этой стрельбе, – предложил Гобято, когда с моря донеслась канонада.

– Зачем запрашивать? – возразил Белый. – Ясно, что это учение, да ещё приуроченное к именинам жены Старка. Салют имениннице, так сказать!

Все вышли на балкон и оттуда любовались, поёживаясь от холода, красивой картиной, развернувшейся на внешнем рейде.

Эскадра блистала огнями многочисленных прожекторов, усиленно освещая спокойное море. На судах то и дело вспыхивали взблески выстрелов, громко ухали пушки, заливисто трещали пулемёты, и в непрерывно передвигающихся лучах прожекторов неожиданно возникали то громады броненосцев, то мелкие силуэты сторожевых судов, а то и отдельные шлюпки.

Над Золотой горой взвились одна за другой три боевые ракеты и, разорвавшись высоко вверху, целым снопом ярких звёздочек начали опускаться в воду, выхватывая на минуту из темноты внутренний рейд с портом и доками, Старый город¹³ и горы Тигрового полуострова.

– Как изумительно красиво! – восхищались дамы.

– Совсем как на настоящей войне, – заметила одна из них.

– Воевать только не с кем, – заметил Белый.

– А с японцами?

– Ну, куда им до нас!

В это время затрещал телефон, и адъютант поспешил подойти к нему. Лицо его, как только он поднёс трубку к уху, сразу вытянулось.

– Ваше превосходительство, – доложил он. – Капитан Страшников с Тигрового Хвоста доносит, что сейчас было совершено нападение на нашу эскадру и есть повреждённые суда. Один броненосец приткнулся к берегу у Девятой батареи.

– С ума сошёл Страшников? – обозлился Белый. – Какое там нападение? Просто манёвры. Быть может, моряки умудрились в суматохе сами себя подорвать, так это всё же ещё далеко не нападение. Передайте Страшникову, что я запрещаю ему наводить панику, – приказал генерал Юницкому.

– На то он Страшников, чтобы наводить страх на других, – заметил Тахателов.

Все вернулись в комнаты.

Стрельба постепенно стихла, и только прожектора ещё продолжали усиленно ощупывать море и берег.

Вскоре гости сели за ужин.

– Выпьем по чарке горилки, – предложил генерал своим гостям, – чтоб наша доля нас не чуралась, как поют у нас на Кубани, чтоб нам в Артуре жилось и чтобы никто нас здесь не беспокоил.

Все охотно чокнулись, выпили, ещё чокнулись, усердно заработали челюсти, и гул общего разговора наполнил комнату. Два денщика в белых перчатках обносили гостей разнообразными блюдами, а хозяева внимательно следили за тем, чтобы винные бокалы не стояли пустыми.

О недавнем происшествии на море было забыто.

Комендант крепости Порт-Артур генерал Стессель¹⁴ был в хорошем расположении духа. Он только что обыграл в винт своих обычных вечерних партнёров: начальника своего штаба

¹³ **Старый город** – Порт-Артур рекой Лунхе делился на Старый город, на берегу Восточного бассейна, и Новый город, на берегу Западного бассейна. Восточнее Старого города располагался Новый китайский город.

¹⁴ **Стессель** Анатолий Михайлович (1848–1915) – генерал-лейтенант. Участвовал в подавлении Ихэтуаньского народного восстания 1899–1901 годов в Китае. Комендант крепости Порт-Артур. С марта 1904 года – начальник Квантунского укрепленного района. За сдачу Порт-Артура японцам был отдан в 1906 году под суд вместе с другими виновниками сдачи крепости – генералами Фоком, Рейсом, Смирновым. Следствие выявило полную бездарность Стесселя, сознательно подго-

генерала Рознатовского, адъютанта ротмистра Водягу и штабного подполковника Дмитриевского.

Пока игроки были заняты картами. Вера Алексеевна Стессель с помощью своих четырёх воспитанниц-сироток накрывала на стол. Худенькие девочки боязливо поглядывали на свою благодетельницу, от которой ежеминутно можно было ожидать и затрещин, и поцелуев.

Не успели гости расположиться за столом, как с моря послышались выстрелы. Стессель, начавший было затыкать за пуговицу сюртука салфетку, насторожился.

– Что это может значить, Владимир Семёнович? – обратился он к Рознатовскому. – Сейчас половина двенадцатого ночи.

– Вероятно, моряки решили стрельбой ознаменовать высокаторжественный день именин своей адмиральши, – иронически ответил Рознатовский.

– Это чёрт знает что такое! Сколько раз я просил их ставить меня заблаговременно в известность о своих манёврах. Береговые батареи откроют по ним когда-нибудь огонь, и будут неприятности. Завтра же ещё раз доложу об этом наместнику, – возмущался Стессель.

– Ведь подумай только, Анатоль, – обратилась Вера Алексеевна к мужу, – даже когда ты бываешь именинник, не говоря уже обо мне, ни одна пушка в крепости не стреляет, а этой кривляке Старк салютует весь флот. Подумаешь тоже – первая дама в Артуре!

– Обещаю тебе, Верочка, что в этом году на твои именины заставлю стрелять из всех пушек с утра до вечера в твою честь, – поспешил успокоить разгневанную супругу генерал.

– Узнайте-ка всё же, ротмистр, в морском штабе, в чём там дело, – обратился Рознатовский к Водяге.

– Слушаюсь! – ответил ротмистр, выходя из-за стола.

– Отчего вы, ваше превосходительство, не поставите у себя телефон? Время теперь тревожное, да и удобство это большое, – спросил у Стесселя Дмитриевский.

– Не выношу эту трескучую мерзость. Беспокойства много, а толку мало – вечно неисправен. Пусть уж в штабе трещит, а писаря ко мне с докладом бегают. Живая связь куда надёжнее всех этих электрических штук.

Возвратившийся Водяга доложил, что на море происходит ночное учение эскадры по отбитию минных атак и что крепости беспокоиться нечего.

Но в это время Водягу опять вызвали к телефону, и, вернувшись, он сообщил, что какой-то капитан Страшников с батареи Тигрового Хвоста доносит о том, что эскадра только что кем-то была атакована и один из кораблей подорван.

– Немедленно справьтесь об этом у генерала Белого. Если сообщение неверно, то прикажите арестовать на двадцать суток Страшникова за распространение ложных сведений, – приказал Стессель.

Ротмистр вышел исполнять приказание.

– Наверное, всё пустяки. Не может же война начаться без предупреждения, – вмешалась Вера Алексеевна. – Да и кто осмелится здесь, на Востоке, напасть на нашу Россию? Тебе наместник ничего не говорил? – обратилась она к мужу.

– Ничего. Даже не намекал, даже слухов не было. Только наши газетчики из «Нового края», известные вралы, хотели что-то напечатать о тревожном положении в отношениях с Японией, да я запретил им помещать такой вздор. Виданное ли дело – мы и Япония! Нет, это, конечно, просто манёвры, – окончательно решил Стессель.

– Ваше превосходительство, – доложил вернувшийся Водяга, – генерал Белый по вашему приказу арестовал капитана Страшникова на двадцать суток.

товлявшего крепость к сдаче. Верховный военно-уголовный суд 7 февраля 1908 года приговорил Стесселя к расстрелу, заменённому десятилетним заключением в Петропавловской крепости, но уже 6 мая 1909 года он был освобождён по распоряжению Николая II и уехал за границу.

– Правильно, – одобрил Стессель. – Теперь можно и пропустить по чарочке за здоровье сегодняшней именинницы, – ехидно подмигнул он жене.

– За её здоровье моряки и без нас сегодня выпьют целое море вина, – презрительно ответила генеральша.

– Тогда за сегодняшних японцев, что так напугали наших храбрых артиллеристов, – вставил Рознатовский.

Прямо с бала адмирал Старк прибыл на свой флагманский броненосец «Петропавловск», где в этот вечер было назначено важное совещание. Здесь он уже застал начальника морского штаба заместника, румяного и добродушного малоподвижного толстяка, контр-адмирала Витгефта¹⁵, командира порта Артура контр-адмирала Гreve, своего флаг-капитана Эбергарда и других чинов эскадры.

Старк зачитал свой рапорт заместнику о принятии мер по охране эскадры в ночное время. Он предлагал отказаться от постановки противоминных сетей, ввиду того что они имелись не на всех судах и могли служить помехой при необходимости экстренного съёма кораблей с якоря.

– Они могут намотаться на винты и тем помешать движению судов, да и защищают они не весь корпус корабля, оставляя нос и корму открытой. Заместник считает необходимым установку сетевого бона¹⁶ перед входом на внутренний рейд. К его изготовлению уже приступили, – закончил свой доклад Старк.

– Недельки через две мы его с помощью Божьей соорудим, но не знаю, насколько прочен он будет и выдержит ли сильное волнение, обычное на внешнем рейде... – вяло проговорил Гreve, пуская клубы ароматного дыма к потолку.

– Значит, в настоящее время центр тяжести обороны эскадры ложится на охраняющие эскадру в ночное время миноносцы и на дальнюю крейсерскую разведку днём, – резюмировал Витгефт.

– Это равносильно надежде на помощь Николая-угодника, – усмехнулся Эбергард. – Как можно ночью в темноте уследить за подходом миноносцев, которые к тому же будут идти без огней? Это всё равно что пытаться увидеть иголку в стоге сена.

– Не посмеют японцы напасть на нас! Уверяю, что отъезд японцев из Артура лишь демонстрация с целью напугать нас, – ответил Витгефт.

– Похоже на то! – вмешался Гreve. – Я достоверно знаю, что сегодня японский консул в Чифу¹⁷ обедал у Стесселя и обязался через неделю привезти его жене шёлковые материи и различные безделушки из Нагасаки; он взял даже деньги вперёд. Моя жена очень сожалела, что не смогла воспользоваться его любезностью.

– За последние годы японцы не раз выезжали из Артура, но никакой войны не было. Не будет и на этот раз. Они нас пугают, да мы не из пугливых, не испугаемся, – поднялся с места Витгефт. – Пора и по домам.

На палубе пробили шесть склянок¹⁸, когда адмиральский катер отвалил от «Петропавловска».

¹⁵ **Витгефт Вильгельм Карлович** (1847–1904) – контр-адмирал, начальник морского отдела штаба заместника. С 22 апреля 1904 года – временный командир Тихоокеанской эскадры вместо вице-адмирала Н. И. Скрыдлова.

¹⁶ **Бон** – плавучее ограждение, используемое для защиты места стоянки флота от проникновения неприятельских кораблей, торпед, мин. Боны состоят из неподвижной части и разводной (боновые ворота), служащей для прохода своих кораблей.

¹⁷ **Чифу** (Яньтай) – порт на северо-востоке Шаньдунского полуострова, одна из лучших гаваней Китая. В 1860 году по Тяньзиньскому договору был открыт для иностранцев.

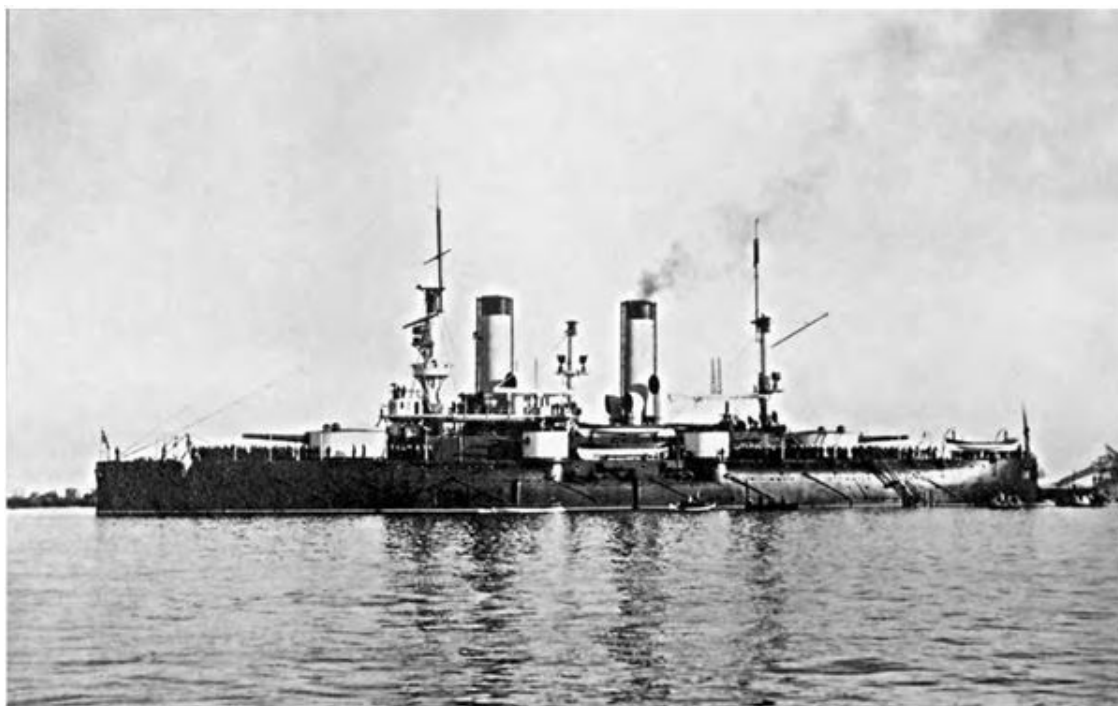
¹⁸ **«...пробили шесть склянок»** – склянка на кораблях флота обозначает получасовой промежуток времени, причём количество ударов колокола – склянок – показывает время, счёт их начинается в 0 час. 30 мин. Шесть склянок – три часа. Выражение это осталось от давних времён, когда на судах у колокола стоял вахтенный с песочными часами и каждые полчаса «отбивал склянки».

– Помяните моё слово, Оскар Викторович, никакой войны не будет, – уже с катера крикнул Витгефт, обращаясь к Старку.

Командующий эскадрой вернулся к себе в каюту и стал готовиться ко сну. С немецкой аккуратностью он снимал одежду и передавал её стоящему перед ним вестовому матросу.

– Всё вычистить как следует, а то сегодня я заметил на шюртуке пыль. Лодырничать стал, прохвост, – сквозь зубы цедил адмирал, злобно глядя на застывшего перед ним матроса.

В этот момент ночная тишина была нарушена грохотом сильного взрыва, а затем послышались беспорядочные артиллерийские выстрелы. Старк удивлённо прислушался к ним и приказал матросу немедленно узнать, что происходит на эскадре. Стрельба быстро усиливалась. Старк торопливо оделся и поспешил сам выйти на палубу. Треск выстрелов мелких калибров перекрывался грохотом орудий крупного калибра.

Флагманский броненосец «Петропавловск»

– Они совсем с ума сошли! Можно подумать, что происходит форменный бой! – бормотал Старк, появляясь на палубе.

Его оглушил грохот стрельбы. По морю бегали ленты прожекторных лучей, то собираясь в одно место, и тогда стрельба особенно усиливалась, то разбегаясь по сторонам. Стреляли справа, слева, спереди, но по кому вёлся огонь, разобрать было невозможно. В воздухе в разных направлениях со свистом пролетали снаряды, грозя поразить своих. На мачтах непрерывно мигали разноцветные огни сигнальных фонарей.

– Немедленно прекратить стрельбу! – закричал вне себя от ярости адмирал, но голос его потонул в общем шуме.

Старк поднялся на мостик, где уже находились его начальник штаба, флагманский артиллерист, командир броненосца и другие офицеры.

– Что за пальба? Прикажите дать сигнал о прекращении стрельбы! – тотчас приказал он.

– Война, ваше превосходительство. С «Ретвизана» передали: «Терплю бедствие, имею пробоину», – доложил Эбергард.

– Не может этого быть! Очевидно, наши миноносцы подорвали «Ретвизан» при неосторожном обращении с минным аппаратом. Прикажите поднять вверх луч боевого фонаря.

Этот сигнал должен остановить бесполезную стрельбу, – приказал Старк. – Поднять сигнал: «Послать шлюпки бедствующему «Ретвизану». Надо немедленно назначить следствие для выяснения причины всего этого переполоха. Вот что значит – у страха глаза велики! Наслушались толков о возможности войны с Японией и сумасшествуют теперь по всякому поводу! – возмутился адмирал.

Но стрельба снова вдруг вспыхнула, несмотря на все сигналы с «Петропавловска». В снопе прожекторных лучей на короткое мгновение промелькнул силуэт миноносца и скрылся. Он был похож на те, которые находились в эту ночь в охранении, и был одинаково с ними окрашен.

– По своим бьют! Когда же будет конец этой вакханалии? Прикажете под страхом наказания прекратить стрельбу! – неистовствовал Старк, размахивая руками перед физиономией Эбергарда.

– Ваше превосходительство, «Цесаревич» сигнализирует: «Взорван, имею сильную течь, нуждаюсь в немедленной помощи, прошу прислать буксир», – доложил вахтенный офицер.

– Чепуха, вздор, не верю... – бормотал ещё Старк, но Эбергард уже почтительно возразил:

– Это война, эскадра подверглась нападению.

– С «Паллады» передают: «Пробоина, развожу пары», – подошёл с новым докладом вахтенный офицер.

– Передайте сигнал: «Выслать шлюпки к подорванным судам, развести пары», – распорядился Старк, наконец поверив в печальную действительность.

В это время к «Петропавловску» подошёл миноносец «Бесстрашный», который был в охранении, и его командир доложил адмиралу:

– На море вражеских судов не замечено.

В ответ ему пришлось услышать много весьма неприятных слов по своему адресу. Адмирал велел идти в порт.

Затем Старк приказал крейсеру «Новик» поднять пары и преследовать неприятеля в море, что и было незамедлительно выполнено.

В этот день на крейсере первого ранга «Паллада» с утра происходила погрузка угля, так как завтра ожидался поход к корейским берегам. Спасаясь от угольной пыли, все, кто не был занят на корабле, поспешили съехать до вечера на берег.

Окончилась погрузка только с наступлением темноты, перед самым спуском флага.

Наскоро окатив палубу и кое-как до утра приведя крейсер в порядок, матросы посменно направились в баню. Пробило уже пять склянок, когда последняя партия матросов наконец добралась до своих коек, и на корабле бодрствовали одни вахтенные. На море было тихо; лёгкий туман временами ненадолго окутывал эскадру. Вдоль берега Тигрового полуострова вытянулись в одну линию тёмные громады семи броненосцев, дальше в море стояли шесть крейсеров, а дежурные миноносцы расположились по концам эскадры.

На флагманском корабле-броненосце «Петропавловск» пробило шесть склянок. Одновременно начался перезвон и на остальных кораблях эскадры. Вахтенные с удовольствием предвкушали скорую смену.

В это время с северо-востока, со стороны Дальнего¹⁹, показалось несколько миноносцев, идущих под всеми огнями. Вахтенный начальник на «Палладе», лейтенант Бровцин, был несколько удивлён их появлением и начал в бинокль разглядывать подходящие суда. Это были обычного типа четырёхтрубные миноносцы с кожухом посередине, каких было много в артур-

¹⁹ **Дальний** (китайское название – Далянь, японское – Дайрен) – торговый порт, построенный русскими в 1898–1903 годах. Город имел своё градоначальство и подчинялся не военному ведомству, как вся Квантунская область, а был в ведении министерства финансов. Много внимания развитию этого торгового порта уделял, в частности, министр финансов Витте.

ской эскадре. Не уменьшая хода, они шли прямо на «Палладу», что ещё более смутило Бровщина.

– Сорокин, – обратился он к дежурному сигнальщику, – спроси у них опознавательные.

– Есть спросить опознавательные! – повторил сигнальщик и поднял нужный сигнал.

Подойдя к эскадре на два-три кабельтова, миноносцы разделились. Два из них направились к голове эскадры, а остальные – к концевым кораблям. Тотчас же раздался один за другим два сильных взрыва. Офицеры и матросы торопливо начали выбегать на палубу, занимая места по боевому расписанию, когда один из миноносцев, подойдя к «Палладе», выпустил в неё одну за другой две торпеды.

С мостика были прекрасно видны красные взлески минных выстрелов, и в тёмной ночной воде появились хорошо видимые светящиеся полосы от приближающихся торпед.

– Торпеда с левого борта! – испуганно закричал один из матросов.

Как бы в ответ ему с уходящего миноносца донеслись крики: «Банзай! Банзай!» – и почти тотчас раздался грохот взрыва. «Палладу» сильно качнуло, затем накренило на правый борт. На палубу обрушились столбы воды, сбивая с ног людей.

Артиллеристы бросились к своим орудиям и открыли частый огонь по всему, что казалось им подозрительным на море. Другие матросы спешно спускали шлюпки на воду, готовясь покинуть подорванный корабль. Многие тащили огромный брезент, собираясь подводить пластырь под пробоину, некоторые бросились в кочегарку, откуда пришло сообщение о начавшемся в бункере пожаре.

В это время на палубе появился артиллерийский офицер лейтенант Грязнов и поспешил взять в свои руки управление огнём. Комендоры, увидев своего офицера, постепенно начали успокаиваться.

Бровщин вместе с боцманом руководил осмотром пробоины и подводкой пластыря. В трюм устремился пожарный дивизион во главе с мичманом Акинфиевым и инженером-механиком Лосевым.

Пока команда «Паллады» занималась спасением своего корабля, японцы, пользуясь возникшей сумятицей, благополучно скрылись в море, хотя корабли эскадры сразу открыли по ним стрельбу. Спасаясь от своих же снарядов, миноносцы поспешно укрылись на внутреннем рейде. Прошло около часа, пока стрельба, наконец, постепенно затихла. Подорванные корабли подошли к берегу и приткнулись на мелководье: «Ретвизан» у Тигрового Хвоста, а «Цесаревич» напротив, под Золотой горой, «Паллада» остановилась невдалеке от «Цесаревича».

С «Петропавловска» потребовали сведения о полученных на «Палладе» повреждениях и понесённых потерях. Мичмана Акинфиева тотчас же отправили на шлюпке с докладом.

Выслушав доклад, Старк послал мичмана в Артур сообщить о случившемся наместнику.

Было около часа ночи, когда мичман добрался до дома Старка.

Постеснявшись войти в зал в непарадной форме, он вызвал адъютанта наместника. Увидев взволнованное лицо Акинфиева, лейтенант увёл его в одну из боковых комнат и тут выслушал.

– Прошу вас ничего не разглашать, пока я не доложу обо всём наместнику. Ожидайте здесь дальнейших распоряжений, – предупредил адъютант.

Как ни были ошеломляющи и неожиданны полученные сообщения, Алексеев всё же сумел сохранить внешнее спокойствие.

Спустившись вниз, он выслушал от Акинфиева подробное сообщение о нападении миноносцев на эскадру.

– Так вы, мичман, утверждаете, что подорваны броненосцы «Ретвизан», «Цесаревич» и крейсер «Паллада»? Вы не ошибаетесь? – переспросил адмирал.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство!

– Атаковали-то нас японцы? – допытывался наместник.

– Миноносцы четырёхтрубные, с кожухом посередине, похожи на наши с Невского завода²⁰. После попадания мины были слышны крики «банзай». На корме одного из них я видел белые иероглифы.

– Похоже, что действительно японцы, – проговорил Алексеев. – Всё же необходимо немедленно отдать приказ о высылке с Квантунского полуострова всех англичан как японских союзников, а заодно и американцев.

В это время в комнату вошёл Плансон и, задыхаясь от волнения, одним духом выпалил:

– Ваше высокопревосходительство! Сейчас получены телеграммы о том, что сегодня, то бишь вчера днём, в Чемульпо японской эскадрой блокированы крейсер «Варяг» и канонерка «Кореец».

– Да не может быть! – вырвалось у Акинфиева.

Все присутствующие, бледные и расстроенные, обернулись к Алексею. Помолчав немного, тот спросил:

– Откуда у вас эти сведения?

– Сообщение перехвачено из «Норд Чайна ньюс».

– Так, может быть, это всё газетная утка?

– Приведена полностью телеграмма в Петербург нашего консула в Чифу Тидемана. Кроме того, сведения подтверждает комендант Владивостока. О судьбе «Варяга» и «Корейца» пока ничего не известно.

– Нет сомнений, ваше высокопревосходительство, – проговорил Плансон, – японцы напали на нас без объявления войны.

– Надо немедленно предупредить через Сеул находившихся в Чемульпо «Варяга» и «Корейца», – забеспокоился Алексеев.

– Телеграфной связи с Сеулом нет уже несколько дней. Наши же радиостанции на кораблях слишком маломощны для связи с Чемульпо, – напомнил Плансон.

– Если это и так, то прежде всего – никакой паники. Я отправлюсь на эскадру. Мне всё же кажется, что сведения о повреждениях, причинённых нашим судам, сильно преувеличены.

Только теперь Алексеев вспомнил наконец о крепости и приказал Дукельскому передать Стесселю распоряжение о вызове по тревоге гарнизона.

Было уже далеко за полночь. Японцы давно скрылись в туманной ночи, и только эскадра усиленно освещалась прожекторами, опасаясь повторного нападения миноносцев.

В штабе крепости, кроме сонных дежурных писарей, никого не оказалось. Приняв срочный пакет из штаба наместника и выслушав от матроса-рассыльного сообщение о происшедшем, один из писарей стремглав полетел с пакетом на квартиру к старшему адъютанту штаба подполковнику Дмитриевскому. Добудиться подполковника среди ночи было нелегко, и прошло ещё почти полчаса, пока Дмитриевский, вскрыв пакет, отправился с докладом к Стесселю.

Генерал давно уже мирно почивал, спали и все его домашние. Пришлось долго ждать, пока наконец сонный денщик открыл дверь. Но будить генерала он не решился.

Подполковнику пришлось самому осторожно стучать в дверь генеральской спальни.

На стук вышла Вера Алексеевна. Узнав, в чём дело, она с деловым спокойствием осветомилась, кому уже известно о нападении японцев, и предложила Дмитриевскому немедленно

²⁰ **Невский завод** – Невский литейный и механический завод в Петербурге, известный также под названием Семяновского завода. Основан в 1850 году. Сначала выпускал чугунные снаряды и литые. В дальнейшем на заводе развивалось судостроение, паровозостроение и металлургическое производство. Ныне – машиностроительный завод имени В. И. Ленина (прим. 1985 г.). В настоящее время – закрытое акционерное общество, одно из ведущих в России предприятий энергетического машиностроения. С 2007 года входит в состав энергомашиностроительного холдинга «РЭП Холдинг». В рамках модернизации в 2008 году были снесены металлургический цех, склад горюче-смазочных материалов, несколько гаражей, жилые и административные здания. Сейчас видна пустая площадка справа от главного здания завода (прим. ред.).

сообщить о случившемся генералу Белому, командирам дивизий, Рознатовскому, вызвав всех их немедленно в штаб.

Подполковник, привыкший к частым вмешательствам генеральши в служебные дела, только почтительно поддакивал всем её распоряжениям.

Отпустив Дмитриевского, Вера Алексеевна отправилась будить мужа.

Начало войны с Японией не особенно взволновало её: она с мужем проделала недавно Китайский поход²¹, доставивший её мужу славу, чины, ордена, ореол героя. Поэтому она так спокойно восприняла известие о войне.

Разбуженный супругой, Стессель реагировал на сообщение о войне совершенно иначе. Он стал задыхаться от волнения, его начала бить нервная лихорадка, и он никак не мог сразу одеться.

Вера Алексеевна знала, что её муж подвержен в тревожные минуты приступам паники, совершенно теряя самообладание и из бравого генерала превращаясь в мокрую курицу. В такие минуты её присутствие было для него совершенно необходимо. Она подошла к мужу и ласково поцеловала его в лысину.

– Успокойся, Анатоль. Возьми же себя в руки. Я уже приказала вызвать в штаб Фока²², Кондратенко²³, Белого и Рознатовского. Ты с ними посоветуешься, и всё будет хорошо, – уговаривала она мужа.

Генерал постепенно успокоился, поцеловал своего «начальника семейного штаба» и уже зычным командирским голосом приказал денщику подать шинель. Вера Алексеевна до дверей проводила мужа и набожно перекрестила его на дорогу.

Шагая по тёмной улице, Стессель чутко прислушивался к ночным шорохам города. Над Артуром стояла тихая туманная ночь. Город был погружён во тьму и мирный сон, только собаки заливисто лаяли в китайской части города да изредка ветер доносил звуки музыки из морского собрания.

– Танцуют... – грубо выругался Стессель. – Японцев прозевали за танцами, шаркуны паркетные!

В штабе Стессель застал Рознатовского и Дмитриевского. Вполне войдя уже в роль полководца, генерал поздравил их с началом военных действий и, заметив волнение своего начальника штаба, сухо сказал ему:

– Ваше превосходительство, теперь не время нервничать, когда коварный враг напал на русскую твердыню на Дальнем Востоке. Возьмите себя в руки.

Было ровно два часа ночи.

Вечеринка у Белого сильно затянулась. После ужина, несмотря на поздний час, молодёжь продолжала усердно отплясывать, а старшие всё ещё хлопали картами по зелёному сукну. Тахателов, соскучившись за картами, присоединился к танцующим, возбуждая общее веселье

²¹ **Китайский поход** – речь идёт о вторжении на территорию Китая соединённых сил царской России, Германии, Англии, Франции, Италии и Японии для подавления народного антиимпериалистического восстания (Ихэтуаньское, известное также под названием «боксёрского» восстания 1899–1901 гг.).

²² **Фок Александр Викторович** (1843–?) – генерал-лейтенант, начальник 4-й Восточносибирской дивизии, комендант Цзиндзоуской позиции, затем – командир резерва, а со 2 декабря 1904 года, после гибели генерала Кондратенко, начальник сухопутной обороны Порт-Артура. В итоге следствия 1906–1908 гг. Верховный военно-уголовный суд ограничился объявлением ему выговора (прим. 1985 г.). После 1917 года эмигрировал в Болгарию. Скончался в 1926 году. Похоронен в братской могиле вблизи города Свиштова (прим. ред.).

²³ **Кондратенко Роман Исидорович** (1857–1904) – генерал-майор, военный инженер. Окончил Военно-инженерную академию и академию Генерального штаба. Перед Русско-японской войной служил в штабе Приамурского военного округа, командовал 7-й Восточносибирской стрелковой бригадой в Порт-Артуре. С началом войны назначен командующим сухопутной обороны крепости Порт-Артур, организатор и герой её защиты.

своей неповоротливой огромной фигурой. Подпевая самому себе, полковник пытался танцевать кавказскую лезгинку с младшей дочерью Белого семнадцатилетней Варей²⁴.

– Эх, журначка нет. Я бы вам показал, как наурскую танцуют! Варя, невеста моя, достань ноты для лезгинки, сейчас женюсь, – смеялся полковник.

Варя, живая, весёлая вертушка с остреньким личиком, в ответ громко смеялась, показывая ровные белые зубы. За лезгинкой последовала мазурка, в которой во всём блеске проявил себя Юницкий, награждённый бурными аплодисментами присутствующих.

Телефонный звонок из штаба крепости со срочным вызовом Белого к Стесселю переполюшил всех.

Было ясно, что произошло что-то экстраординарное, если Стессель бодрствовал среди ночи.

Подоспевший в это время из штаба пакет разъяснил всё. Сразу приняв официальный тон, Белый громко обратился к своим гостям:

– Господа офицеры! Японцы совершили дерзкое нападение на наш флот в Чемульпо и Артуре. Война началась. Прощу вас немедленно отправиться по своим частям.

Офицеры дружно щёлкнули шпорами и стали спешно прощаться. Дамы взволнованно зажужжали, обсуждая страшную новость.

В штаб Стесселя вскоре собрались: высокий, мумиеобразный начальник Четвёртой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Фок, всегда добродушно улыбающийся, неизменно спокойный и уравновешенный начальник вновь формируемой Седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии генерал-майор Кондратенко, генерал-майор Белый и, наконец, неизменный ротмистр Водяга.

Стессель прочитал собравшимся сообщение штаба наместника и предложил высказаться. Первым заговорил Кондратенко.

²⁴ **Варя Белая** – прототипом этой героини романа послужила дочь генерала Белого Лидия Васильевна (по мужу Кобе-
ляцкая), которая была в начале войны в Порт-Артуре. Впрочем, как литературный персонаж образ Вари Белой мог созда-
ваться как обобщённый, типизированный образ, вобравший в себя черты разных людей. На письме С. Р. Миротворцева А. Н.
Степанову от 26 апреля 1941 года есть пометка писателя – при упоминании имени Вари А. Н. Степанов написал: «Корниев-
ская». О ней А. Н. Степанов сообщал в лекции 30 сентября 1955 года в Литературном институте, что она стала врачом, во
время Гражданской войны работала в красноармейском госпитале на Восточном фронте. Очевидно, эти обстоятельства
легли в основу дальнейшего развития образа Вари в романе «Семья Звонарёвых».

Начальник Квантунского укрепленного района генерал-адъютант Анатолий Михайлович Стессель

– Надо не говорить, а действовать. Поднять полки по тревоге и направить их в пункты, намечаемые мобилизационным планом, – коротко произнёс он.

– В том-то и беда, что у нас мобилизационного плана до сих пор нет, – возразил Рознатовский.

– То есть как это нет? – изумился Кондратенко. – Крепость существует шестой год, а мобилизационный план до сих пор не разработан?

– Сколько раз говорил я вам, Владимир Семёнович, чтобы вы поторопились с составлением мобилизационного плана. Безобразие это нетерпимо дальше! – накинулся Стессель на Рознатовского.

– Но, ваше превосходительство, я вам три варианта докладывал, а вы не удосужились их рассмотреть и утвердить, – отпарировал Рознатовский.

– Теперь не время для споров. Надо срочно наметить план обороны крепости и всего Квантунского полуострова, – оборвал его Стессель.

– Моя бригада разбросана в Дальнем, Цзинджоу²⁵, Артуре и у железнодорожной станции Нангалин, – начал Фок. – Её необходимо срочно сосредоточить в одном месте, полагал бы, или в Артуре для защиты крепости, или у Нангалина, как узловой станции, откуда полки легко могут быть переброшены по любому направлению.

– Мы не знаем, где японцы, – заметил Дмитриевский, – быть может, они уже высаживаются на побережье десант, связь у нас по берегу плохая.

Упоминание о десанте вновь повергло Стесселя в панику. Он вскочил с места.

– Четвёртую дивизию надо не сосредоточивать, а рассыпать по всему берегу для наблюдения за морем, Седьмую дивизию, как ещё не вполне укомплектованную, оставить в Артуре или двинуть поближе – в Голубиную бухту или в бухту Луизы. Нет, лучше двинуть лишь одну бригаду туда, а другую сосредоточить при штабе крепости; Роман Исидорович, я вас прошу остаться при мне. С уходящими полками направьте генерала Горбатовского.

Приняв это решение, Стессель немного успокоился. Наличие целой бригады в непосредственной близости к его штабу и присутствие Кондратенко, успокоительно действующего на него, придало ему бодрости.

– Где же начальник инженеров крепости полковник Григоренко²⁶? – вдруг спохватился Стессель. – Я хочу знать, в каком состоянии находится сухопутная оборона крепости.

– Я его вызвал в штаб, но его не застали дома, верно, где-либо в городе на именинах застрял, – доложил Дмитриевский.

– Чёрт знает что такое! Враг у ворот крепости, а как дело обстоит с сухопутной обороной – неизвестно. Роман Исидорович, быть может, вы знаете, как идёт постройка сухопутных фортов и батарей? – спросил Стессель. – Григоренко я целую вечность не видел. Он ко мне только за деньгами является, а я ему не даю, больно много тратит их.

– И напрасно, ваше превосходительство. У Григоренко не хватает денег для расчёта с рабочими-китайцами, и постройка чего-то да стоит. С положением на сухопутных фортах я знаком хорошо. Недавно сам с Григоренко объезжал работы. Положение там очень плохое. Готов, да и то далеко не совсем, лишь один форт номер два, но и на нём ещё артиллерийские позиции не оборудованы. На фортах номер один и номер три ведутся ещё только земляные работы. Работы там не меньше чем на три-четыре месяца. Форт номер четыре лишь разбивается на местности, к работам на фортах номер пять и номер шесть и на всех промежуточных батареях и укреплениях ещё не приступали. Так что сухопутной обороны в настоящий момент фактически не существует, – резюмировал свой доклад Кондратенко;

– Что же инженеры четыре года делали? – кричал Стессель.

– Инженеры дома в Новом городе себе строили, на это и деньги ушли, – буркнул Фок.

– Береговые укрепления закончены. Сооружены двадцать две батареи. Очевидно, инженеры этим и занимались, – заметил Белый.

– Кроме того, крепостные артиллеристы уверяют, что у них и людей для обслуживания сухопутного фронта нет, – вставил Дмитриевский.

– Совершенно верно, – подтвердил Белый. – В конце января из Варшавы к нам должен отправиться вновь сформированный третий батальон, но едва ли раньше марта он будет здесь. Без него людей у меня не хватит.

²⁵ Цзинджоу (Кинджоу, Наньшань – возвышенное плато) – один из четырёх городов Квантуна, а также возвышенность, пересекающая Ляодунский полуостров в самом узком месте.

²⁶ Григоренко А. А. (1864–?) – военный инженер, полковник, с февраля 1904 года исполнял должность начальника инженеров крепости Порт-Артур. Принимал участие в строительстве крепостных сооружений с 1899 года. В 1908 году привлёкся к уголовной ответственности за злоупотребления при производстве инженерных работ на Квантуне, но «за давностью преступления» освобождён от наказания (прим. 1985 г.). Григоренко Аполлон Аполлонович освобождён от службы в чине генерал-майора. Расстрелян в 1937 (1938 – по другим данным) году (прим. ред.).

– Не оставить ли в таком случае полки Четвёртой дивизии в Артуре? – предложил Розновский.

– Ни в коем случае, – горячо запротестовал Стессель. – Нельзя допустить высадки японцев где-либо на Квантуне. Для этого необходимо везде быть готовыми к отражению десанта.

– Я считаю, что опасность десанта явно преувеличивается, – спокойным тоном сказал Кондратенко. – Морской десант на неприятельскую территорию очень трудная вообще операция. При наличии же зимней штормовой погоды и пусть ослабленного, но всё же ещё боеспособного флота десант для японцев может кончиться катастрофой. Едва ли они в ближайшее время рискнут на него, но всё же следует иметь в виду эту возможность. Наблюдать за морем необходимо.

– Что же мне делать? – не унимался Фок.

– Тебе дана задача – охранять берег, сам думай, как её лучше выполнить, – уже миролюбиво промолвил Стессель.

– Хороша задача – охранять двести вёрст берега. При этом ещё немедленно, по тревоге, среди ночи, неизвестно где, – недовольно ворчал Фок, поднимаясь с места.

– А вам ясна задача, Роман Исидорович?

– Вполне. Разрешите уйти? – откланялся Кондратенко.

За ним последовал и Фок. Белый также стал прощаться.

Ржавая военная машина Порт-Артура заработала. Поднятые по тревоге части двигались в разных направлениях по улицам города. Вновь сформированные полки Седьмой дивизии впопыхах забыли захватить боевые патроны; не зная города, полки путались в темноте, попадали не туда, куда надо, сбивая с толку себя и других; конные ординарцы скакали с различными приказаниями и путали части, внося ещё большую суматоху в общий беспорядок. Полки столпились на улицах и площадях, отчаявшись до рассвета разобраться во всём этом сумбуре.

На железной дороге не оказалось ни свободных составов, ни паровозов, и части Четвёртой дивизии были двинуты походным порядком за сто – сто пятьдесят вёрст по гористой и разбитой дороге.

Только наступление рассвета наконец дало возможность разобраться во всём этом хаосе.

Стессель, серый от бессонной ночи, объезжал полки, поздравлял их с началом войны и призывал «чудо-богатырей» не посрамить земли русской и на радость царю-батюшке побить японцев. Солдаты, измотанные бессонной ночью, вяло слушали генерала и нестройно кричали «рады стараться».

Береговой фронт Порт-Артура был протяжением около девяти вёрст. Правый его фланг находился на юге, упираясь в горный массив Ляотешаня, у бухты Белого Волка. Расположенные здесь батареи носили наименование батарей Белого Волка. Далее к северу, вдоль побережья, шла гряда Тигровых гор, отделяющих внутренний бассейн от моря. Высота этих гор достигала пятидесяти – шестидесяти сажен, так что они почти полностью скрывали от взоров противника с моря и внутренний артурский рейд, и город. Полтора десятка батарей, расположенных на Тигровке, как коротко называли Тигровые горы, составляли вместе с батареями Белого Волка южный сектор берегового фронта. Тигровка оканчивалась низкой песчаной косой – Тигровым Хвостом, загнутым в сторону внутреннего рейда. Тигровый Хвост узким и мелким каналом отделялся от Золотой горы, господствовавшей над всем северным сектором берегового фронта. На этой горе находилось несколько батарей, что делало её сильнейшим опорным пунктом всего берегового фронта. Впереди Золотой горы выступал в море Электрический Утёс, названный так за свою наиболее мощную в крепости электропрожекторную установку. Далее к северу, постепенно снижаясь, шла Крестовая гора с расположенным перед ней Плоским мысом, а затем гора Стрелковая, составлявшая часть идущего перпендикулярно к берегу Драконовского хребта. Здесь, на месте стыка берегового и сухопутного фронтов, находилась левофланговая береговая батарея номер двадцать два.

Так как Порт-Артур прежде всего считался морской крепостью, задачей которой являлась защита русского флота от нападений с моря, то немедленно по его занятии в 1898 году было приступлено к сооружению береговых батарей.

Всего на приморском фронте было сооружено девять долговременных батарей нормальной профили²⁷, двенадцать батарей временных, облегчённой профили, со ста восемью орудиями. Среди них было всего пять десятидюймовых пушек и десять одиннадцатидюймовых мортир, остальные орудия были более мелких калибров. Самой сильной считалась батарея Электрического Утёса, на которой находилось пять десятидюймовых пушек и две пятидесяти-семимиллиметровых, игравших роль пристрелочных орудий.

Эта батарея, расположенная на высоте сорока четырёх саженей над уровнем моря на сплошном гранитном массиве, имела сто восемьдесят метров длины и около двадцати одного метра ширины. Её гранитный бруствер круто обрывался к морю и был так же сер, как и склоны Золотой горы, что очень способствовало маскировке укрепления со стороны моря. Хотя сами орудия и не имели щитов для прикрытия прислуги, но над площадкой для наводчиков, сверху, у десятидюймовых пушек имелись лёгкие козырьки из волнистого железа. Забетонированный гранитный бруствер почти полуторасаженной высоты до известной степени укрывал людей от огня морских орудий. Между орудиями в десятисаженных траверсах²⁸ находились пороховые и снарядные погреба и казармы для номеров, имевшие выходы к орудийным площадкам. На флангах батарей крайних траверсов были устроены бетонные казармы на взвод артиллеристов. На среднем траверсе, несколько опущенная в бруствер, помещалась сложенная из камня будка для горизонтально-базного дальномера. Самостоятельного командирского пункта на батарее не было, и предполагалось, что в бою командир будет находиться около дальномера. На правом фланге в одном общем гнезде помещались две скорострельные пристрелочные пушки.

Вдоль всей батареи, сразу за орудийными площадками, шла широкая шоссейная дорога. Несколько на отлёте, справа от батареи, на небольшой высеченной в скале площадке расположен был прожектор.

В глубокой ложине за Утёсом имелись одноэтажные казармы для размещения роты крепостной артиллерии, офицерский флигель и несколько хозяйственных сооружений. Тут же, в пещере, выдолбленной в тыловой стороне Утёса, помещались электрическая станция и погреб для провианта. От казарм и флигеля к батарее вела широкая пологая дорога. Перед офицерскими квартирами был разбит небольшой палисадничек, а несколько поодаль виднелась площадка для ротного огорода.

Попасть на Утёс из города можно было, или перевалив через Золотую гору, или в объезд её. Обе эти дороги были длинны и извилисты, что делало сообщение Утёса с городом довольно затруднительным.

Большая сложность управления огнём такой батареи, как батарея Электрического Утёса, заставляла назначать на неё командиров из числа наиболее опытных и знающих офицеров крепостной артиллерии.

В момент начала военных действий батареей на Электрическом Утёсе командовал капитан Николай Васильевич Жуковский, который жил здесь же. При батарее были также квартиры для двух младших офицеров – штабс-капитана Чиж и поручика Борейко.

Двадцать шестого января батарея номер пятнадцать Электрического Утёса целый день была занята приёмкой трёхсот десятидюймовых и такого же числа пороховых зарядов. Солдаты были крайне утомлены перетаскиванием тяжёлых пятнадцатипудовых снарядов и четырёхпу-

²⁷ **Батарея нормальной профили** – насыпь (бруствер) в рост человека, возведённая перед батареями. Поперечные насыпи отделяли орудия друг от друга и защищали их от огня с флангов.

²⁸ **Траверс** – в фортификации – поперечная стенка или насыпь, пересекающая через определённое расстояние окоп для защиты от продольного огня с флангов.

довых зарядов, которые им приходилось вручную носить в погреба. Тяжёлая и опасная работа была окончена лишь с наступлением темноты.

Уставшие за день солдаты после ужина и вечерней переключки сразу же разошлись по койкам; недолго сидел в своём кабинете и Жуковский. Вскоре весь Утёс погрузился в крепкий сон. Только часовой одиноко бродил по батарее в ожидании смены.

В девять часов вечера на пост заступил канонир Давид Заяц – маленький худощавый еврей, случайно попавший в артиллерию и своим неказистым видом резко выделявшийся среди стройных, высоких, крепких артиллеристов.

Пройдясь по батарее, Заяц поднялся на бруствер и уселся на камень около дальномерной будки: ночью можно было допустить и отступление от устава гарнизонной службы.

Поставив около себя винтовку, Заяц свернул сигарку и с удовольствием закурил. Перед его глазами расстилалось спокойное, чуть туманное море и виднелась цепь ярких огней эскадры.

Мысли Заяца перенесли в далёкие Свенцяны, где осталась его молодая жена с двумя маленькими детьми. Прошло уже почти четыре года, как он их покинул, будучи призван на военную службу и отправлен за десять тысяч вёрст в Порт-Артур. Больше месяца ехал Заяц до Артура, пытался в дороге бежать, но был пойман, выпорот и направлен под конвоем к месту назначения. Несладко жилось ему и в Артуре. Слабосильный, непригодный к тяжёлой службе в артиллерии, он был зачислен в нестроевую команду.

Заяц промёрз, встал со своего места и прошёлся вдоль бруствера батареи.

Всё было по-прежнему спокойно, по-ночному тихо и темно.

Неожиданно на море прогремел выстрел, за ним другой, третий, захлопотала сразу вся эскадра. Заяц удивлённо смотрел на море, не понимая, что там происходит. Потом решил: «Моряки манёвру делают», – и стал спокойно наблюдать за развёртывающейся перед ним картиной. Взлески выстрелов, огни прожекторов, столбы воды, взлетающие вверх при падении снарядов в море, представляли красивое зрелище.

«Здорово жарят, как у нас на состязательной стрельбе», – подумал Заяц.

Подошёл разводящий и сонным голосом осведомился, что это за стрельба.

– Ученье у моряков, – ответил Заяц.

Разводящий почесался, зевнул и лениво проговорил:

– Тебе ещё полчаса достаивать, сам придёшь, разбудишь Белоногова, а я спать завалюсь, – и неторопливо спустился с бруствера.

Вскоре стрельба прекратилась, и Заяц пошёл сменяться. После смены, согревшись в тёплом караульном помещении, он мгновенно заснул.

Разбудили его около четырёх часов утра.

– Смена, что ли? – пробурчал он.

– Какая смена, японцы войной на нас пошёл! Рота по тревоге вызвана на батарею, – ответил ему дежурный по роте.

– Да ну? – изумился Заяц. – Значит, как с вечера стреляли моряки, была война, а не манёвры?

На батарее в темноте двигались солдаты. Мерцали ручные фонари. Пороховые и снарядные погреба были открыты, чехлы с орудий сняты, около них толкались солдаты. Откуда-то из темноты доносился спокойный голос Жуковского. На море было совершенно тихо. Эскадра по-прежнему усиленно освещалась прожекторами.

Заяц пришёл к своему посту у денежного ящика, досадуя на беспокойную ночь. Он ещё не верил, что началась война, и считал, что всё это только солдатские побасенки.

– Генерал Белый сообщил, – говорил Жуковский солдатам, – что японцы неожиданно напали на наш флот и взорвали три корабля. Можно ожидать с минуты на минуту нового нападения. Поэтому за морем надо следить в оба и быть готовыми к открытию огня.

Заяц насторожился.

– Неужели и впрямь война? Прощай тогда Свенцяны надолго, если ещё живой останешься, – волновался он.

– Прикажите прожекторной команде наладить освещение, – кому-то в темноте отдавал распоряжение командир роты. – В случае тревоги немедленно сообщить мне и сразу же вызвать людей на батарею.

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие.

По голосу Заяц узнал фельдфебеля Назаренко.

Люди ушли с батареи, и Заяц опять зашагал в темноте.

Около восьми часов утра, когда утренний туман над морем стал рассеиваться, на горизонте один за другим стали показываться многочисленные дымки. Несколько миноносцев понеслись им навстречу.

Находившийся в это время на батарее штабс-капитан Чиж приказал дальномерщикам следить за миноносцами, которые не то шли на разведку, не то собирались атаковать появившиеся корабли.

Миноносцы, далеко не дойдя до приближавшихся дымков, вдруг легли на обратный курс, усиленно сигнализируя при этом флагами.

Штабс-капитан решил, что тревога была ложная, и уже начал спускаться с бруствера, когда вдруг загрохотали двенадцатидюймовые пушки с флагманского броненосца «Петропавловск», а затем и других кораблей. Чиж сразу ослабел и должен был опереться о дальномерную будку, чтобы не упасть: он понял, что перед ним в утренней дымке ясного солнечного дня находится вся японская эскадра.

Быстро нарастающий свист падающих снарядов окончательно вывел его из душевного равновесия. Он кубарем слетел вниз и ринулся в один из бетонных казематов. Тут, под защитой бетонного свода, он наконец сообразил, что ему надо было делать, и послал за ротным командиром.

Вызванные по тревоге солдаты торопливо бежали из казарм к орудиям, озираясь на разрывы снарядов.

По дороге к батарее показались бегущие Жуковский и Борейко, торопливо одевавшиеся на ходу, и Чиж облегчённо вздохнул.

– На дальномере! – ещё издали заорал оглушительным протодьяконским басом Борейко.

Дальномерщики припали к визирам, наводя их на чётко видневшиеся силуэты японских кораблей.

– Пять тысяч шестьсот! – выкрикнул сигнальщик дистанцию до цели.

– Прицел двести пятьдесят, целик²⁹ право два! – скомандовал подошедший к батарее Жуковский.

Солдаты бросились наводить орудия, длинные и тонкие дула которых медленно поворачивались вслед за движущейся эскадрой.

– Пять тысяч четыреста! – снова закричал дальномерщик.

Чиж рискнул выйти из своего каземата навстречу Жуковскому, смущённо улыбаясь.

– Вы должны были подготовить батарею к стрельбе, – сухо обратился к нему Жуковский и поднялся на брустер дальномерной будки. Чиж последовал было за ним, но свист летящих снарядов заставил его вновь быстро спуститься вниз, под надёжное бетонное прикрытие.

Зато Борейко, расправив свои богатырские плечи, огромными шагами ходил по батарее и громко командовал:

– Наводить в переднюю мачту головного корабля! Всем одинаково. Поняли, сучьи дети? – и тут же вскакивал на площадку наводчика, сам проверяя правильность наводки.

²⁹ **Целик** – прицельное приспособление в виде выступа с прорезью для визирования мушки.

– Куда, дура, целишь? – кричал он на испуганного солдата. – Сказано, наводи на мачту, а ты навёл на трубу. Поправь, – и, ткнув солдата кулаком в бок, Борейко бежал дальше, не обращая внимания на японские снаряды, уже рвавшиеся вблизи батареи.

– Пять тысяч двести двадцать! Пять тысяч двести! Пять тысяч сто восемьдесят! – еже-секундно выкрикивал дистанцию сигнальщик.

Жуковский в бинокль продолжал разглядывать японскую эскадру. Она шла кильватерной колонной³⁰ параллельно берегу, держа курс на юг. Впереди были броненосцы, а крейсера и более лёгкие суда держались в хвосте.

– Пять тысяч сто! Пять тысяч восемьдесят! Пять тысяч шестьдесят! – несло из даль-номерной будки.

– Батарея, залпом! – закричал Жуковский, высоко подняв вверх руку в знак внимания.

– Батарея, залпом! – подхватил на другом конце батареи Борейко.

Орудийная прислуга отпрянула от орудий к самому брустверу, наводчики откинулись назад на своих площадках, туго натянув шнуры запальных вытяжных трубок, готовые с силой дёрнуть за них, орудийные фейерверкеры³¹ стояли рядом с орудиями, с поднятыми вверх пра-выми руками, обернувшись лицом к командиру.

Чиж, выглянувший было из каземата, быстро юркнул назад и торопливо зажал пальцами уши.

– Пли! – скомандовал Жуковский, опуская руку.

– Пли! – повторил Борейко.

Пять огромных огненных столбов вырвались из дул орудий, и в следующее мгновение батарея заволоклась густыми клубами синего порохового дыма, за которым скрылись и море, и берег. Запахло селитрой и серой. Орудия с грохотом откатились по наклонным рамам лафетов и затем скатились по ним на прежние места.

Дым медленно расходился по батарее. Стала видна японская эскадра.

Жуковский в Борейко вскинули бинокли к глазам, было ясно видно, как вокруг головного корабля взвились четыре высоких всплеска воды и одновременно против средней его трубы взметнулся столб сперва чёрного дыма, а затем белого пара.

– Два недолёта, два перелёта, одно попадание, – громко доложил сигнальщик.

– Попал под накрытие, стервец, – обрадовался Борейко.

– Малость подсыпали перцу. Запарил! Очевидно, мы ему попортили паропроводы, – ответил Жуковский. – Александр Александрович, может быть, полюбуетесь на наши успехи? – обратился он к вновь вынырнувшему на свет Божий Чижу.

– Четыре тысячи восемьсот! Четыре тысячи семьсот! – выкрикивал дистанцию сигналь-щик.

– Прицел двести тридцать, целик тот же! – скомандовал Жуковский.

Орудийные дула опять поползли следом за японской эскадрой.

Неприятельские корабли опоясались огнями и лёгким, быстро тающим в воздухе зеле-новатым дымком.

– Японец бьёт, ваше благородие, – доложил сигнальщик.

– Закройсь! – скомандовал Борейко.

Несколько крупных снарядов одновременно обрушилось на батарею. Они рвались спе-реди, сзади и с боков. Едкий удушливый дым окутал батарею. Все поспешили укрыться, и только Жуковский по-прежнему стоял на бруствере, да внизу Борейко, чертыхаясь, подбирал падавшие около него ещё горячие осколки и внимательно разглядывал их.

³⁰ **Кильватерная колонна** – строй, когда суда следуют один за другим в кильватерной струе (струе, остающейся за кормой идущего корабля) головного корабля.

³¹ **Фейерверкер** – чин младшего командного состава в артиллерии, соответствовавший званию унтер-офицера в пехоте.

Сменившись с караула, Заяц улёгся спать в казарме и не захотел из неё выходить, когда японцы начали обстреливать Электрический Утёс. Но когда совсем близко разорвался снаряд и посыпались осколки стекла, Заяц мгновенно выскочил на двор. Как раз в этот момент над его головой с рёвом пронёсся снаряд и гулко разорвался в тылу. Заяц от страха присел было на землю, а затем, оглянувшись вокруг, стремительно побежал на батарею.

Подгоняемый всё новыми разрывами, он, пригнув голову, с разбега бросился в первый попавшийся каземат. При входе в него стоял, пугливо озираясь, Чиж, и Заяц угодил головой прямо ему в живот. Удар был так силен, что слабонервный и перепуганный штабс-капитан потерял сознание и повалился на пол.

Заяц, сбив с ног офицера, так испугался, что тотчас выскочил обратно из каземата. При этом он налетел на Борейко. Но огромного поручика не так-то легко было сбить с ног. Он схватил Заяца за шиворот, сильно потрянул и свирепо проговорил:

– Ты обалдел, что ли, Заяц? Куда тебя чёрт несёт? Марш в крайний каземат, будешь при перевязочном пункте, – и в назидание так огрел его по шее, что Заяц едва удержался на ногах.

Разделавшись с Зайцем, Борейко пошёл проведать Чижа и нашёл его лежащим на полу. Около хлопотали два солдата, приводя его в чувство.

– Что случилось? – удивлённо спросил поручик.

– Так что Заяц, вашбродие, как шальной, влетел в каземат да ударил головой в живот их благородие. Они и чувства лишились, – сообщили ему солдаты.

– Позвать фельдшера, пусть приведёт штабс-капитана в чувство, – распорядился Борейко и пошёл к Жуковскому.

– Чиж в обморок упал, – весело доложил он командиру. – Дурак Заяц налетел на него, а тот с перепугу и сомлел, как рыхлая баба.

– Послали туда фельдшера? Ладно. Давайте продолжать стрельбу, – коротко бросил в ответ капитан.

Японцы перенесли огонь на эскадру, и батарея немедленно ожила.

Как только обстрел Утёса прекратился, по дороге к нему с Золотой горы показался экипаж, окружённый свитой верховых. Ещё издали были видны красные отвороты генеральских шинелей. Через десять минут коляска докатилась до Электрического Утёса, и из неё вышли Стессель и Белый. Выставив грудь вперёд и высоко подняв голову, Стессель придал себе внушительный вид. Приняв рапорт Жуковского, он громко поздоровался с солдатами. Те ответили вразброд. Стессель сразу нахмурился.

– Разве с такими солдатами можно воевать? Они даже на приветствие как следует отвечать не умеют, а ещё кадровики. Хотел их крестами наградить за сегодняшний бой, а теперь воздержусь. Пусть сперва научатся отвечать как следует. Никакого порядка у вас в роте нет, капитан! – раскричался он на Жуковского.

Тут его взгляд упал на усмехнувшегося Борейко.

– А вы, поручик, чему смеётесь? Почему вы не по форме одеты?

Борейко с удивлением осматривал себя.

– Где ваша шашка? – крикнул Стессель.

– А зачем она мне, ваше превосходительство? – спокойно возразил поручик. – Японские броненосцы, что ли, ею рубить?

– Как?.. Не по форме одет! – уже не помня себя, кричал Стессель. – Арестовать! Убрать!

– Я, ваше превосходительство, разрешил господам офицерам во время боевых стрельб быть без оружия: шашка мешает, когда приходится подниматься на лафет для проверки наводки, – вмешался Белый.

– Незаконно... Не по уставу... Самовольство... Объявлю выговор в приказе! – продолжал кричать Стессель.

Все молча глядели на бушевавшее начальство.

– У вас были попадания в неприятельские корабли? Есть раненые на батарее? – наконец несколько успокоился Стессель.

– Выявлено три прямых попадания в головной броненосец. На батарее раненых нет, – доложил Жуковский.

Рассеянно выслушав ответы, Стессель взойшёл на бруствер.

Японцы начали приближаться к Артуру. В воздухе раздался зловеющий свист снаряда. Стессель неожиданно проявил горячий интерес к устройству дальномёра и одним махом оказался в дальномерной будке. За ним туда же спешно юркнули сопровождавшие его Водяга и Дмитриевский. Остальная генеральская свита торопливо спустилась с бруствера вниз. Только Белый да Жуковский остались на месте и продолжали рассматривать японскую эскадру.

Снаряд шлёпнулся перед батареей, но не разорвался. Все облегчённо вздохнули. Стессель вновь зашагал по брустверу.

– Японцы приближаются, – доложил Стесселю Дмитриевский.

– Да, надо немедленно вернуться на Золотую гору. Там лучше видна вся картина боя и есть связь со всеми батареями. Едемте сейчас же обратно, господа, – заторопился Стессель.

Не успела генеральская коляска проехать и половины пути, как японские снаряды вновь посыпались на Утёс и на дорогу к Золотой горе.

С батареи было видно, как вся сопровождающая генерала кавалькада вдруг вскачь понеслась в гору, обгоняя генеральский экипаж. Стессель, с ужасом оглядываясь на море, стоял в экипаже и усиленно наколачивал кучера в шею. Испуганные близким разрывом снаряда, лошади подхватили и понесли.

Глядя на эту сцену, Борейко громко захохотал.

– Нечего сказать, храбрецы! Пока тихо – орлы, а как слышат свист снаряда, сразу мокрыми курицами становятся.

– Вы бы потише, Борис Дмитриевич, солдаты всё же вокруг, – обратился к нему Жуковский. – Подите лучше проведите Чижа – уж не умер ли он там со страху?

Борейко застал Чижа всё ещё усиленно охающим.

– Поправляетесь? – буркнул Борейко.

– Ох, нет! У меня, наверное, от удара в живот будет перитонит. Как только поправлюсь, я этого чёртова Зайца до полусмерти изобью, чтобы он на будущее время смотрел, куда бежит.

– Напрасно: он был взволнован так же, как и вы.

Дав ещё два-три залпа по берегу, японцы скрылись в море.

– Отбой! Пробанить орудия³², – скомандовал Жуковский.

Когда батарея была приведена в порядок, Жуковский, выстроив солдат, громко поблагодарил их за службу.

– Рады стараться! – дружно и весело ответили солдаты.

– Вам бы так генералу отвечать. А то теперь без крестов остались, – упрекнул их Жуковский.

– Успеём ещё заработать не один раз, – ответил за солдат Борейко, – и Георгиевские, и деревянные. Первых поменьше, вторых побольше.

– Разойдись! – отпустил роту капитан и стал спускаться с батареи.

В глубоком погребе, сплошь заставленном бочками с кислой капустой, солёными огурцами, солониной и прочими продуктами, во время боя собралось всё тыловое население Электрического Утёса: писаря, артельщики, каптенармусы, кузнецы, портные и прочий нестроевой люд, обслуживающий батарею и роту. Возглавлял их сам ротный фельдфебель Денис Петрович Назаренко, которого Жуковский оставил наблюдать за порядком в тылу. Тут же, в погребе,

³² Пробанить орудия – прочистить дуло орудия банником, то есть специальной щёткой на длинном древке.

восседала на скамье краснолицая жена фельдфебеля со своей шестнадцатилетней рослой дочкой Шуркой.

Когда стихли орудийные выстрелы, всё население погреба вылезло наружу.

– Спасибо за службу! – шутливо крикнул им Борейко.

– Рады стараться, – смущённо ответили «герои».

Поддерживаемый денщиком, к ним медленно подошёл Чиж. Он всё ещё не оправился и потерял свой фатовской вид. Прежде всего он потребовал от Жуковского немедленного предания суду Зайца «за умышленное нанесение удара своему офицеру».

– Бог с вами, Александр Александрович. Да он со страху ничего не видел, когда на вас налетел. Какой же тут суд? Ну, выругайте дурака, только и всего, – удивился Жуковский.

– Нет, тут умышленное нападение солдата-еврея на русского офицера. Это, если хотите, оскорбление чести мундира, прошу суда, – настаивал Чиж.

– Вы ещё не совсем оправились, дорогой, отдохните, успокойтесь, тогда мы и поговорим с вами об этом, – не соглашался Жуковский и пошёл к себе.

– Тогда я сам расправлюсь с Зайцем, по-свойски, – вспыхнул Чиж.

На свою беду. Заяц как раз в это время проковылял невдалеке.

– Заяц, сюда! – окликнул его Чиж.

Солдат подошёл и испуганно смотрел на офицера.

– Как ты, сволочь, смел сбить меня с ног? – заорал капитан.

– Виноват, ваше благородие, нечаянно, с перепугу, – залепетал Заяц.

– Брешешь, жидовская морда, нарочно, – и Чиж со всего размаху ударил солдата по лицу.

Удар был так силен, что Заяц едва устоял на ногах. Из разбитого носа и губ потекла кровь, на глазах показались слёзы. Но, скованный дисциплиной, он продолжал стоять навывтяжку.

Чиж бил его долго и с остервенением, пока Заяц, покачнувшись, не стал медленно опускаться на землю.

– Встань, стерва! – заорал капитан и, ткнув его ногой ещё несколько раз, ушёл.

Солдаты издали наблюдали за избиением и поспешили на помощь к Зайцу, лишь только офицер отошёл. Его подняли и понесли в казармы.

– В чём дело? – спросил появившийся Борейко.

Солдаты рассказали ему о происшедшем.

– Отнести Зайца в казарму, отлить водой и прислать ко мне взводного Родионова, – распорядился Борейко.

Когда Родионов, такой же огромный и массивный, как и поручик, не спеша, с чувством собственного достоинства, подошёл к Борейко, последний приказал:

– Скажи фельдфебелю, что Заяц переведён в мой взвод, и освободи его на три-четыре дня от всех нарядов. Зайцу прикажи на глаза штабс-капитану не показываться. И если его Чиж ещё тронет, то я сам поговорю с ним.

– Слушаюсь! Заяц нам во взводе сгодится, он на все руки мастер, – ответил Родионов.

Офицер и солдаты у крепостного орудия в одном из фортв Порт-Артура

Вернувшись с Утёса на Золотую гору, Стессель и Белый имели довольно растерянный и напуганный вид. Их свита только у самой батареи сумела задержать испугавшихся лошадей и тем спасла генералов от неприятности.

– Счастливо отделались, – со вздохом облегчения проговорил Стессель. – На будущее время буду ездить только верхом: легче с одной лошадию справиться, чем с парой, да когда ещё кучер дурак и трус.

– Хорошо всё, что хорошо кончается, – примирительно ответил Белый.

В самом начале боя один из двенадцатидюймовых японских снарядов попал в каземат на Тринадцатой батарее, пробил полуторасаженный слой земли, затем два аршина бетона и разорвался, убив трёх солдат и тяжело ранив двух... Как только бой кончился и японцы ушли в море, командир батареи капитан Зейц решил отслужить панихиду по убиенным. Из Управления артиллерии был вызван священник.

Когда Стессель и Белый вышли из экипажа и подошли к батарее, рота Зейца была уже выстроена. Около покрытых шинелью трупов седенький попик служил панихиду, усердно махая кадиллом. Зейц с офицерами стоял впереди, одним глазом наблюдая за приближающимся начальством.

Солдаты стояли, вытянувшись в струнку, с фуражками на согнутой левой руке. На лицах их застыло сурово-скорбное выражение. Слышались тяжёлые вздохи, мелькали руки крестящихся. Попик заунывным голосом провозгласил «вечную память новопреставленным воинам». Хор тихо и торжественно запел «вечную память».

Генерал Стессель, подойдя к телам усопших, картинно отвесил три земных поклона и, откинув шинели, прикрывавшие трупы, приложился к покойникам.

Попик заторопился и, путая слова молитв, поспешил закончить панихиду. Как только он кончил, Стессель обратился к солдатам с речью:

– Братцы! Коварный враг неожиданно напал на нас, но не застал врасплох. Сегодня вы сами видели попадания наших снарядов в японские корабли. И да не смущается сердце ваше первыми жертвами войны. Мир праху героев, живот свой положивших за веру, царя и отечество. Не посраим же земли русской и белого царя-батюшки. За проявленное вами сегодня мужество награждаю вас крестами. Ура!

– Ура! – угрюмо, но дружно и чётко подхватили солдаты.

– Вот это часть! Не то что там, внизу. С такими героями мы всех японцев, как мух, перебьём! – пришёл в восторг генерал.

– Кому же, ваше превосходительство, кресты давать? Батарея ведь сегодня не стреляла, и люди сидели по казематам, – спросил Зейц.

– Героев у вас более чем достаточно. Выберите достойнейших. Фельдфебеля, фейерверкеров и других начальствующих нижних чинов наградите в первую голову.

– Ваше превосходительство! На батарею едет наместник со своим штабом, – доложил Юницкий Белому.

Стессель сразу засуетился.

– Солдат выстроить вдоль батареи! Господам офицерам стать в строй! Я буду лично командовать, – распорядился он.

Все бросились по своим местам. Один только Тахателов недоумённо спросил:

– А японцы как же? Если они опять подойдут к берегу, мы не успеем вовремя открыть по ним огонь, так как, пока солдаты добегут до орудий, пройдёт много времени.

– Праздный вопрос, полковник, – оборвал его Стессель. – Наместника необходимо встретить как полагается, а там видно будет, что делать.

Рота успела уже выстроиться во фронт, когда Алексеев добрался до батареи.

– Рота, смирно! Для встречи справа, слушай на кар-ра-а-аул! – скомандовал Стессель.

– Здравствуйте, дорогой Анатолий Михайлович, – приветствовал его наместник. – Чуть только бой, а ваше превосходительство уже на самой опасной батарее. Здорово, артиллеристы! Спасибо за службу молодецкую! Сегодня, с первого же разу, перепугали японцев своим метким огнём.

– Должен довести до сведения вашего высокопревосходительства, что наша доблестная эскадра сражалась также с подлинным героизмом. Артиллерийская стрельба кораблей была исключительно меткой. У адмирала Того должны быть большие потери. Прошу принять моё поздравление со столь блестящими действиями моряков, – рассыпался Стессель в комплиментах, зная любовь Алексеева к флоту.

– Позвольте мне от лица моряков поблагодарить ваше превосходительство за столь высокую оценку действий нашего истинно героического флота. Счастлив буду донести обожаемому монарху о трогательном единодушии в бою армии и флота.

Затем их превосходительства трижды облобызались.

Обойдя батарею и ещё раз поблагодарив солдат, адмирал отбыл в город.

– Теперь и нам можно отправиться по домам. Василий Фёдорович, поблагодари солдат и офицеров за службу и прикажи-ка подать коляску. Японцы, кажется, вовсе скрылись с горизонта.

Генералы, усевшись в коляску, приятно ободрённые похвалой, наперебой хвалили Алексева и моряков.

– Изумительно умный человек. Сразу видно, что царских кровей, – восхищался наместником Стессель.

– Если бы все моряки были такими, то ночного позора не было бы, – вторил ему Белый.
– Да и так ли уж велик позор? Правда, моряки малость прозевали, но корабли починят, и флот обретёт свою прежнюю грозную силу. Только бы Алексеев остался в Артуре, – мечтательно говорил Стессель.

– Всё же нам надо более тесно связаться с флотом, а то мы мало знаем, что у них делается.

– Связь держать следует, но надо при этом смотреть, чтобы моряки нас не оседлали.

– Но наместник ведь тоже моряк.

– Он прежде всего наместник. Поэтому его сердцу должны быть милы не только моряки, но и армия. Сегодняшнее его поведение подтверждает это предположение.

Уже прощаясь с Белым, Стессель ещё раз вспомнил об Электрическом Утёсе.

– Василий Фёдорович! Ты, пожалуйста, обрати внимание на Пятнадцатую батарею, пусть подтянутся, а то не рота, а бабья команда какая-то. Если найдёшь нужным – представь к наградам нижних чинов и офицеров. Только, чур, с разбором.

– Жуковский и Борейко – одни из лучших офицеров у меня в артиллерии. Конечно, я буду просить об их награждении. Да и среди канониров³³ и фейерверкеров найдётся кого наградить, – ответил Белый.

В городе Стессель застал необычайное оживление. Разбуженные бомбардировкой артурские обыватели, как только сообразили, что началась война, стремительно бросились сперва в погреба и подвалы, спасаясь от вражеских снарядов, а по окончании боя – на вокзал.

Из домов тащили наскоро увязанные вещи и узлы. Все артурские извозчики, рикши и китайские кули были донельзя загружены. Вскоре вокруг вокзала образовался громадный табор беженцев. На путях стояло несколько товарных составов, уже полностью набитых пассажирами, но паровозов для них не хватало.

Заметив среди пассажиров штатских, генерал немедленно приказал:

– Всю эту стрюцкую рвань высадить. В первую очередь посадить в вагоны семьи господ офицеров и чиновников. Ротмистр Водяга, поручаю вам наблюдение за выполнением этого распоряжения, – приказал генерал и покати́л домой.

Дома Стесселя встретила Вера Алексеевна. Она бросилась на шею мужа и долго целовала и крестила его.

– Ты истинный герой, Анато́ль! Мне уже говорили, каким ты был храбрецом под огнём на батареях. Один стоял на бруствере, когда все прятались. Даже наместник был поражён твоей храбростью. Но ты должен беречь себя для России. Если ты, не дай того Бог, погибнешь, то кто же сможет тебя заменить в Артуре? – тараторила генеральша.

– Ну, положим, я был на батареях осторожен. Хотя, надо правду сказать, там временами было жутковато, осколки так и свистели вокруг. Но меня Бог миловал, остался цел, – мягко прервал Стессель жену.

Солнечный луч, пробившись сквозь щель в оконных ставнях, скользнул по лицу лежащей в постели женщины и разбудил её.

Она потянулась, громко зевнула и, решительно соскочив на пол, открыла ставни. Яркий солнечный день наполнил весёлым отблеском моря всю комнату.

Рива взглянула в окно на расстилавшийся перед ней внутренний рейд, окружавшие его серые горы, на раскинувшийся по берегу Старый и Новый город. Её внимание остановилось на странно приткнувшихся к берегу, около выхода на внутренний рейд, двух судах. Она сразу узнала хорошо знакомые ей броненосцы – «Цесаревич» и «Ретвизан». Никогда до сих пор она не видела, чтобы корабли стояли так близко к берегу. Её постоянные кавалеры-моряки неоднократно разъясняли ей опасность для крупных судов приближения к берегу.

³³ Канонир – рядовой солдат в артиллерии.

«Наверное, ночью вздумали втягиваться на внутренний рейд да и сели на мель», – подумала она и вспомнила при этом командира «Цесаревича», слывшего первым умником среди артурских моряков, – немолодого, весьма представительного капитана первого ранга Григоровича, и хитрого, похожего на цыгана, командира «Ретвизана» – капитана первого ранга Шенсновича³⁴, считавшегося одним из лучших командиров порт-артурской эскадры.

Наглядевшись в окно, Рива подошла к зеркалу. Взгляд её скользнул по тонкому смуглому личику южанки с большими тёмно-карими глазами, с тонким греческим носом, яркими губами, чуть оттенёнными сверху тёмным пушком, затем спустился на красивую шею, плечи, упругие груди, которыми так гордилась Рива. Она осталась довольна собой.

Осмотрев себя, Рива приступила к утреннему туалету. На звон серебряного колокольчика, увитого драконами, в комнате появилась маленькая служанка, похожая на большую куклу с хорошеньким фарфоровым личиком, и, приседая и кланяясь, нещадно коверкая русские слова, залепетала утреннее приветствие.

– Мыться! – скомандовала Рива.

Раздавшаяся с моря канонада отвлекла её внимание. В окно были видны дымки выстрелов на кораблях эскадры в узком проходе между Золотой горой и Тигровой.

В это время неожиданно во внутреннем бассейне вырос большой столб воды, что совершенно озадачило Риву.

– Что это такое большое могло упасть в бассейн? – недоумевала она.

Чёрный столб дыма, появившийся у вокзала и сопровождавшийся грохотом взрыва, открыл ей истину.

– Кто-то стреляет! – в испуге вскрикнула она.

– Японси, японси, война русски, – залопотала служанка.

– Какая война? Что ты городишь?!

– Носю японси море воевал.

– Чего же ты до сих пор молчала, дура?! – обозлилась Рива. – Война, а она молчит, как истукан. Когда ты поумнеешь? Всякий вздор рассказывает, а о войне молчит.

Торопливо одевшись, Рива вышла на улицу. На набережной Нового города собралась толпа, с любопытством наблюдавшая за ходом боя. Яркий, солнечный день был так хорош, что не верилось в начало страшной войны. Происходивший бой воспринимался большинством зрителей как боевое учение, и только когда один из снарядов, взорвавшись около берега, осыпал толпу осколками, люди в панике бросились бежать. Рива увидела матроса с «Ретвизана» и начала расспрашивать о случившемся.

– Война, барышня. Японец ночью на нас неожиданно напал, – мрачно ответил матрос.

– Потери большие?

– Двое без вести пропали, да троих сейчас в госпиталь привезли.

– Матросы или офицеры?

– Все матросы. Разве сейчас кого-нибудь из офицеров ранят. Так и жарит японец по «Ретвизану» и «Цесаревичу», – разговорился матрос.

– А почему они приткнулись к берегу?

– Чтоб, значит, не потонуть.

– Как потонуть? – испугалась Рива.

– Ночью японец подорвал с носа «Ретвизана» да с кормы «Цесаревича», а «Палладу» – прямо против машинного отделения. Их и отвели на мелководе, а японец теперь хочет их добить. Но наши корабли и береговые батареи тоже не молчат, здорово бьют по японцу. Должно быть, скоро отгонят его от Артура, – пояснил матрос.

³⁴ **Шенснович** – в документах и воспоминаниях участников обороны Порт-Артура фамилия командира броненосца «Ретвизан» капитана первого ранга пишется «Шенснович».

Рива была расстроена всем услышанным. Она подумала о своём возлюбленном – лейтенанте Дукельском, который находился на «Петропавловске».

– На «Петропавловске» всё благополучно? – осведомилась она.

– Покуда ничего плохого с «Петропавловска» не слыхать.

Бой на море уже закончился, и толпа вновь собралась у пристани, к которой то и дело подходили катера с различных кораблей эскадры, подвозя раненых.

Стонущие, забинтованные фигуры вызывали тревожное любопытство толпы. Все старались поближе протиснуться к носилкам, узнать фамилии раненых, обстоятельства ранения.

Вместе с ранеными выгружали и трупы убитых, покрытые Андреевским флагом³⁵. В толпе закрились, кто-то всхлипнул, Рива тоже взволнованно засморкалась и стала разыскивать знакомых офицеров.

Наконец она увидела розовощёкого мичмана Андрюшу Акинфиева. Хотя Рива и не была с ним знакома, но ввиду исключительных обстоятельств решила обратиться к нему.

– Подвезите меня к эскадре, господин мичман, – попросила она.

– Простите, сударыня, но женщинам на боевом корабле во время боя не место, – сурово отрезал мичман.

– Да я на корабль и не хочу, мне только посмотреть на эскадру.

– Праздное любопытство, сударыня, – был неумолим Акинфиев.

В это время подошёл знакомый лейтенант Малеев с броненосца «Севастополь». Увидев его, Рива повторила свою просьбу.

– Куда же я вас повезу, Ривочка?

– Только до прохода, оттуда я взгляну на эскадру, а затем пересадите на обратный катер.

– Идёт! Андрюша, – обратился лейтенант к Акинфиеву, – сообщи Юрасовскому, что нам с тобой перевод на «Страшный» уже оформлен. Прошу, Ривочка, занять место на катере. Чур, дальше Тигрового не везу.

– Хорошо, – согласилась Рива.

– Отваливай! – скомандовал лейтенант, и катер заскользил по гладкой поверхности бухты.

Старый и Новый город, разделённые долиной реки Лунхе и горой Перепёлкой, как бы жмурясь под яркими солнечными лучами, задумчиво смотрели в подёрнутые лёгкой дымкой тумана тихие воды залива.

Рива молча слушала рассказ поехавшего вместе с ними Акинфиева о ночной атаке японскими миноносцами русской эскадры.

Катер пристал к небольшой пристани у прохода между низкой песчаной косой Тигрового Хвоста и гранитной громадой Золотой горы. Эскадра уже втягивалась на внутренний рейд. Первыми прошли миноносцы, и среди них «Страшный», на который ссадили с катера Акинфиева. Крепко пожав Малееву руку, мичман сухо козырнул Риве. Его надутый вид был так смешон, что и Малеев, и Рива рассмеялись, и Рива дружески протянула юноше руку. Покраснев, Акинфиев чуть пожал ей руку и стремительно поднялся по трапу на миноносец.

За миноносцами шли лёгкие крейсера «Новик» и «Баян», за ними на буксирах медленно проплыли громады броненосцев. Когда с катером поравнялся «Петропавловск», Рива стала внимательно вглядываться в стоящих на палубе офицеров. Вскоре на командирском мостике, у

³⁵ **Андреевский флаг** – кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота – на белом поле синий крест по диагонали, – учреждённый Петром I и существовавший с начала XVIII века до Великой Октябрьской революции (прим. 1985 г.). Дореволюционные Андреевский флаг и гюйс были вновь введены во флоте России в 1992 году, они используются по сей день. Официальное знамя ВМФ России, основанное на флаге ВМФ России, было утверждено Федеральным законом № 162 от 29 декабря 2000 года (с последующими изменениями и дополнениями). Андреевский флаг изображён на ведомственной медали Министерства обороны Российской Федерации «300 лет Балтийскому флоту», учреждённой приказом Министра обороны Российской Федерации № 160 от 16 мая 2003 года (прим. ред.).

самого его края, она разглядела рослую фигуру Дукельского. Рива усиленно замахала носовым платком, стараясь привлечь его внимание. Малеев передал ей мегафон.

– Привет, Ривочка, я сегодня у тебя обедаю, – весело прокричал лейтенант в мегафон.

– Жду, – неожиданно громко ответила она и замахала мегафоном в знак приветствия.

«Петропавловск» медленно проплыл мимо них.

Добравшись до дому, она немедленно принялась за приготовление обеда.

С Дукельским её связывало старое знакомство. Ещё в тысяча девятьсот первом году она, увлечённая общим потоком всевозможных коммерсантов, авантюристов и спекулянтов, покинула родную Одессу и вместе с «заведением мадам Шнеерзон» отправилась на Дальний Восток на пароходе «Владимир», на котором ехал и лейтенант Дукельский. Предприимчивая мадам Шнеерзон уже в дороге развернула деятельность своего учреждения. Но Рива заболела ангиной и не могла принимать кавалеров. Мадам тотчас объявила её лентяйкой, притворщицей и так стала преследовать, что доведённая до отчаяния Рива в Красном море пыталась выбраться за борт. Об этом происшествии узнал весь пароход. Дукельский, узнав о случае с Ривой, решил выкупить её у хозяйки. Почему это ему взбрело в голову, он не смог бы объяснить и сам. Дукельский был незлым человеком, но оставался весьма далёким от всякой сентиментальности.

Он предложил «мадам» отступного за Риву и привёз её в Порт-Артур, где нанял для неё маленький домик.

Было около трёх часов, когда лейтенант позвонил в передней. Рива сама открыла ему дверь.

Вручив ей свёртки с покупками, он прошёл за ней в небольшую столовую, убранную в восточном стиле.

Куинсан поспешила накрыть на стол.

– Ну, Жоржик, рассказывай: что и как произошло за эти два дня? – спросила Рива, усаживая Дукельского за стол.

– Что произошло? То, чего давно следовало ожидать. Японцы решили вернуть себе обратно Квантун и, вероятно, прихватить кое-что из Южной Маньчжурии. И началась война, – объяснил Дукельский.

– Но напали-то они подло, без объявления войны, ночью, – возразила Рива.

– Для них все средства хороши. Мы прохлопали, и они нас поймали и в Артуре, и в Чемульпо.

– Как в Чемульпо?

– Да так! Они выследили в Чемульпо «Варяга» и «Корейца» и предложили им вступить в бой со всей эскадрой адмирала Урну. Результат боя пока неизвестен. Но, зная Руднева³⁶, можно с уверенностью сказать, что наши корабли не опозорили Андреевский флаг. Офицеры и матросы там под стать своему командиру.

– Верно, много погибло на «Варяге» и «Корейце»? – забеспокоилась Рива. – Ведь там твои друзья – Алёша Ляшенко, Червинский, Степанов. Живы ли они сейчас?

– На войне не без потерь. Сейчас мы живы, а что будет завтра, никому не известно, – философски ответил Дукельский.

– Сегодня-то большие потери? – поинтересовалась Рива.

³⁶ Руднев Всеволод Фёдорович (1855–1913) – контр-адмирал, командир героического крейсера «Варяг». В 1880–1883 годах совершил кругосветное плавание. В 1900 году назначен помощником командира порта в Порт-Артуре. С 1902 года – командир лучшего русского крейсера «Варяг». 27 января 1904 года крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» вступили в бой с японской эскадрой в Чемульпо (Инчен). За этот бой Руднев был награждён орденом и званием флигель-адъютанта. В 1905 году командовал броненосцем «Андрей Первозванный». Во время революции 1905–1907 годов за отказ участвовать в расправе с революционными матросами уволен в отставку. Автор книги «Кругосветное плавание крейсера «Африка» в 1880–1883 гг.».

– «Полтава», «Диана», «Аскольд» и «Новик» получили по подводной пробоине и требуют ремонта. За первые сутки войны у нас выбыло из строя: ночью три, сегодня утром четыре, да в Чемульпо погибли два, итого девять боевых кораблей. Недурное начало войны!

– Как же мы будем воевать теперь?

– Как воевать? Залезем на внутренний рейд со всеми броненосцами и крейсерами и будем коптить небо.

– Так что, ты будешь всё время в Артуре сидеть? – обрадовалась Рива.

Во время обеда Куинсан, то и дело подходившая к столу, внимательно вслушивалась в русскую речь.

Дукельский шутя раза два ущипнул её. Служанка игриво засмеялась.

– Жорж, оставь её. Как тебе не стыдно щипать её при мне? – возмущалась Рива.

– Да ты никак всё ещё ревнуешь меня, Ривочка, – смеялся лейтенант.

Убрав со стола, Куинсан ушла в свою каморку и, достав кусочек бумаги, начала кисточкой и тушью выводить иероглифы. Её кукольное личико приняло серьёзное выражение.

Покончив с записями, Куинсан присела у окошка и задумалась. Ей вспомнилась далёкая родина, детство в бедной крестьянской семье в глухой японской деревушке, вечная нужда, голод, а иногда и колотушки отца с матерью. Куинсан грустно вздохнула и провела рукой по голове, задев при этом за заколотый в волосы черепаховый гребень. Это напомнило ей о жизни в токийском доме терпимости, куда её продали за долги отца, встречу с Танакой³⁷, молодым красивым офицером. Он подарил ей гребень вскоре после их знакомства. В ушах Куинсан как бы снова зазвучал голос Танаки, его пылкие и нежные заверения. Она любила слушать его, смотреть в его глаза, когда он говорил ей о великой родине – Стране Восходящего Солнца. Тогда глаза его горели, а объятия были такими жаркими... На кухне по-прежнему было тихо, темно и тепло, захотелось спать. Куинсан зевнула, но, преодолевая сон, заставила себя вспомнить переезд во Владивосток, первые шаги в разведывательной работе. И снова рядом с собой увидела Танаку, теперь уже своего учителя. Теперь Куинсан больше не слышала от него нежных речей, он был очень строг. Он даже бил её иногда, когда она плохо выполняла его задание. Затем в памяти встал Порт-Артур, поступление в дом Ривы. Тут Куинсан довольно улыбнулась: что ж, она заслужила похвалу, Танака будет доволен. Она, маленькая Куинсан, хитро сумела войти в доверие хозяйки.

В окошко постучали. Куинсан поспешила выйти во двор, где ожидал оборванный старик. Низко кланяясь, он протянул руку за подаванием. Куинсан торопливо вошла в кухню, схватила там большой кусок хлеба и засунула в него исписанную бумажку. Выйдя на улицу, она позвала старика в переднюю и долго говорила с ним. В их разговоре упоминались названия всех повреждённых русских кораблей. Когда наконец старик, захватив хлеб, ушёл, Куинсан тихонько вошла в столовую и прислушалась. Из спальни доносился храп.

Глава вторая

Неяркое зимнее солнце длинными негреющими вечерними лучами освещало рейд с многочисленными военными и коммерческими судами и полукитайский, полуевропейский портовый городок Чемульпо, который служил морским портом для корейской столицы – Сеула. Спавший было днём мороз к вечеру заметно усилился, в бухте появились льдины, затрудняю-

³⁷ **Танака** – А. Н. Степанов в одной из своих статей («Новый мир», 1945, № 8) указывал, что Танака и Куинсан – лица вымышленные. Так что неправильно было бы, как это иногда делают, отождествлять этот персонаж романа с известным японским генералом Танакой Гиити, который впоследствии был одним из организаторов японской интервенции в 1918–1921 годах на советский Дальний Восток. Такое недоразумение стало возможно потому, что, выводя в романе образы японских шпионов, А. Н. Степанов брал для них широко известные японские имена. Это же можно, например, сказать и о японском шпионе-часовщике Ито, однофамильце крупного политического деятеля Японии. Имя Куинсан созвучно одной из гор, окружающих Порт-Артур.

щие передвижение китайских шампунков³⁸ и катеров с различных военных кораблей. В числе их находились русский крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Оба корабля несли службу стационаров и находились в распоряжении русского посланника при корейском дворе Павлова. Сегодня на крейсере были получены от посланника секретные пакеты для срочной отправки в Порт-Артур. На следующий день «Кореец» должен был отправиться с ними в Артур.

В уютной и просторной кают-компании «Варяга» собрались офицеры вместе со своим командиром, который только что вернулся из Сеула.

Кадровый офицер гвардейского экипажа, Руднев смолodu приобрёл дипломатический лоск и такт. Командование весьма это ценило и неизменно направляло Руднева туда, где международная политическая обстановка грозила осложнениями, как это имело место сейчас в Корее.

После войны с Китаем в 1894–1895 годах Корея фактически оказалась под протекторатом Японии³⁹. Царская Россия тоже зарилась на эту страну. Обоих соперников привлекали большие природные богатства Кореи и её важное стратегическое положение. Она являлась как бы мостом между Японией, Маньчжурией и Приморьем. Поэтому вопрос, кто будет главенствовать в Корее, приобретал важное международное значение. Слабая экономически и значительно уступающая России в военном отношении Япония не могла сама решиться на войну с русским колоссом. Только после заключения в 1902 году военного союзного договора с Англией и получения в 1903 году большого займа на военные нужды из США японцы рискнули выступить против России. Тон японской дипломатии стал вызывающим. Сталкивая Японию с Россией, англо-американцы надеялись, что война ослабит обе стороны и позволит им занять главенствующее положение в Корее и Маньчжурии.

Вся эта сложная политическая игра велась в корейской столице Сеуле, и эта политика явилась причиной того, что в небольшом корейском порту Чемульпо одновременно находились военные корабли Англии, России, Франции, Италии, Америки и Японии.

По прибытии в Чемульпо Руднев посетил Сеул, побывал при дворе корейского императора, установил дружескую связь с командирами стационаров других стран, в том числе и с японским крейсером «Чиода». В дружеской беседе за стаканом вина Руднев узнавал все политические новости и часто был больше в курсе событий, чем сам посланник Павлов. Дипломатическая деятельность не мешала Рудневу быть знающим моряком и хорошим командиром своего крейсера. Офицеры очень уважали и ценили своего командира, который сумел сплотить их в одну дружную товарищескую семью.

В этот вечер Руднев только что вернулся из Сеула, куда ездил для выяснения международной обстановки. Посланник Павлов заверил его, что даже в случае разрыва дипломатических сношений войны между Россией и Японией не будет. В этом его убедили не только японский посланник, но и послы Англии и Америки.

Всё это Руднев и сообщил своим офицерам.

– Тем не менее я предложил посланнику, ввиду возможности внезапного начала военных действий, сегодня же отправиться в Порт-Артур на «Варяге». Но Павлов категорически отказался покинуть свой пост без указаний наместника Алексеева, хотя уже несколько дней как японцы прервали под предлогом технических неполадок всякое сообщение с Порт-Артуром... Всё же Павлов решил сообщить в Порт-Артур о происходящем, и завтра «Кореец» уйдёт

³⁸ Шампунка – небольшая китайская вёсельная лодка – сампани.

³⁹ После войны с Китаем в 1894–1895 годах Корея фактически оказалась под протекторатом Японии – речь идёт о японо-китайской войне, основной целью которой была борьба Китая и Японии за обладание Кореей. По заключившему войну Симоносекскому договору Китай признавал независимость Кореи. Япония аналогичного заявления не сделала. Навязанное Корее соглашение о протекторате Японии, поддержанное Соединёнными Штатами Америки, было подписано в ноябре 1905 года.

туда с секретными пакетами, а заодно и доставит десант с «Севастополя», который нёс охрану посольства, – закончил Руднев свой рассказ.

– Попадут в Артур к самому балу у Старка. Прямо с корабля на бал. Счастливицы, – заметил молоденький мичман Ляшенко.

– Да, завтра там будет весело, потанцуют и повеселятся вволю, не то что в здешней дыре, – поддержал его лейтенант Червинский.

– Пошлём с «Корейцем» письма нашим друзьям: Дукельскому, Акинфиеву, – тотчас решил Ляшенко.

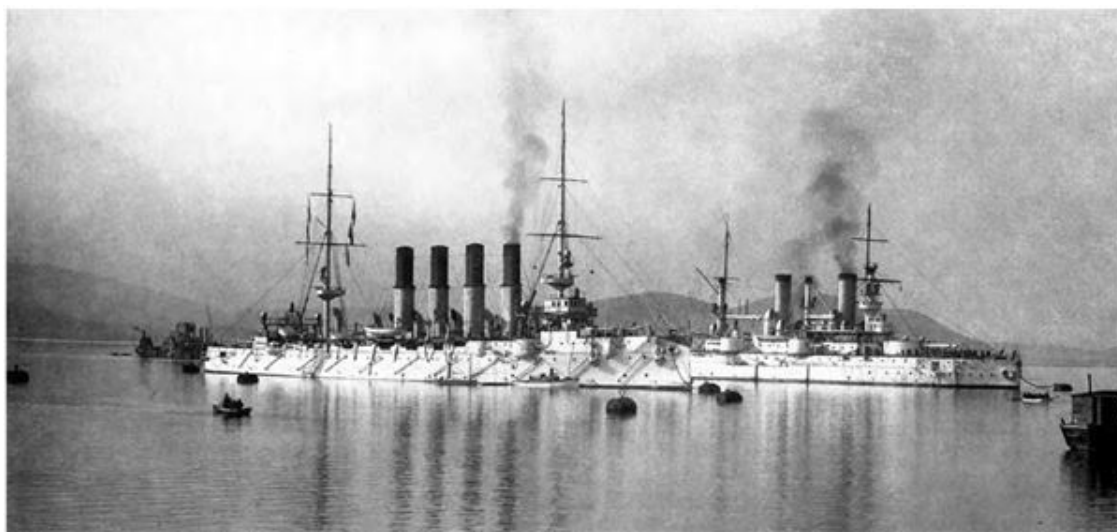
– Передайте и от меня поклон Ривочке. Ударная девчонка, не чета здешним, – заметил Червинский.

– Надо составить подробный рапорт о наших действиях Старку и наместнику. Попрошу вас помочь мне в этом, Анатолий Григорьевич, – обернулся Руднев к Степанову.

– Есть, Всеволод Фёдорович! – отозвался старший офицер корабля. – Значит, пока можно не тревожиться за нашу судьбу?

– Пока – да. Но всё же поручите вахтенным повнимательнее следить за тем, что происходит на рейде и в городе, – ответил Руднев.

Долго не спал в этот вечер комендор носового шестидюймового орудия Бондаренко. Днём он побывал на берегу и встретился со своим знакомым матросом с японского крейсера «Чиода». Они знали друг друга по жизни в Приморье, вместе рыбачили и были друзьями. Японец под большим секретом рассказал, что среди японцев идут упорные разговоры о войне с Россией, которая должна начаться в ближайшие дни. Днём Бондаренко не придавал большого значения этому, но теперь слова японца неотвязно кружились в голове.

Бронепалубный крейсер 1-го ранга 1-й Тихоокеанской эскадры «Варяг» в Порт-Артуре

«Что, ежели японцы и впрямь нападут на нас? На крейсере никто не подозревает о надвигающейся опасности, все спят. Да он заберёт «Варяга» голыми руками! Надо немедленно обо всём доложить старшему офицеру», – решил он наконец и стал быстро одеваться.

Степанов ещё не спал. По взволнованному лицу матроса он понял, что тот пришёл с важными известиями.

– Дозвольте, вашбродие, доложить по долгу присяги, – неожиданно для себя проговорил Бондаренко официальным тоном.

– Говори, в чём дело?

Матрос подробно рассказал обо всём слышанном от японца.

– Почему сразу не доложил об этом? – спросил Степанов.

– Запомнил за делами, а в койке лёжа вспомнил.

Степанов сразу оценил важность полученных известий и вместе с матросом направился к Рудневу.

Командир подробно расспросил Бондаренко, внимательно выслушал и, наградив чаркой водки за проявленную бдительность, отпустил его.

– Необходимо быть начеку! – проговорил Руднев.

– Быть может, поднять пары и, пользуясь темнотой, попытаться до рассвета уйти в Артур на соединение с эскадрой? – предложил Степанов.

– Какой вы, Анатолий Григорьевич... торопливый. Каждой войне предшествует разрыв дипломатических сношений, за которыми следует объявление войны, и уже после этого начинаются военные действия. Прикажите вахтенным особенно внимательно следить за всем происходящим на рейде, особенно за «Чиодой». Передайте то же на «Кореец».

Степанову ничего не оставалось, как уйти. Поднявшись на мостик, он передал вахтенному офицеру Червинскому распоряжение командира и сообщение Бондаренко.

– Наш командир, по-моему, излишне доверчив. Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права⁴⁰, – вздохнул Степанов. – Обо всём, что заметите на рейде, немедленно докладывайте прямо Рудневу.

– Есть, – вытянулся вахтенный офицер и окинул взглядом густой туман, которым была покрыта бухта. «Трудно что-либо разглядеть в такую погоду», – подумал Червинский про себя и погрузился в воспоминания о далёком Артуре, где находились друзья и его маленькая японская «мусмешка» Юха.

Едва засерел восток и начал расходиться ночной туман, как на «Варяге» обнаружили исчезновение с рейда японского крейсера «Чиода». Он ушёл ночью с потушенными огнями, под покровом ночного тумана...

– Как вы его прозевали? – набросились матросы и командиры на вахтенных, сильно смущённых своей оплошностью.

– Ни зги ночью не было видно, а он, япошка, тишком, как ворюга, сбежал в море, – оправдывались виновные.

Весть об уходе «Чиоды» обеспокоила всех. Руднев тотчас направился на английский крейсер «Талбот», командир которого, коммодор⁴¹ Бейли, был старшим военно-морским начальником на рейде. Командир «Варяга» надеялся узнать у англичан последние политические новости. Одновременно Руднев приказал канонерской лодке «Кореец» спешно готовиться к отплытию в Порт-Артур.

Доставлявшие на «Варяг» продукты торговцы-корейцы сообщили о готовящемся японском десанте в Чемульпо.

– Японси приди нет? – тревожно спрашивали они. – Японси пу шанго. Корейси продай, купи нет. Корейси чифан нет, корейси умирайло, японец живи.

Было ясно, что атмосфера в Чемульпо быстро сгущалась. Японские агенты распространяли в городе панические слухи о предстоящем захвате всей Кореи японскими войсками и поголовной резне всех корейцев.

Корейцы были дружески расположены к русским и видели в них защитников от японских захватчиков, которых научились ненавидеть ещё в японо-китайскую войну.

⁴⁰ Японцы, как показывает японо-китайская война, не соблюдают общепринятых норм международного права...» – японо-китайская война началась с вероломного нападения 25 июля 1894 года японских военных кораблей под командованием Х. Того, бывшего тогда ещё в чине капитана, на китайское транспортное судно, перевозившее войска. Официальное объявление войны с Японией последовало лишь 1 августа 1894 года.

⁴¹ Коммодор – в военном флоте США и Англии звание командира соединения кораблей (эскадры), не имеющего адмиральского чина.

Коммодора Бейли Руднев застал в отличном расположении духа. Из письма своего друга артурского негодяя Томлинсона англичанин узнал, что японцы очень нуждаются в его помощи и готовы заплатить за неё хорошие деньги. Томлинсон рекомендовал ему поближе познакомиться с командиром «Чиоды» капитаном Терауче. На днях японец передал коммодору предложение «оказать небольшую услугу божественному повелителю Страны Восходящего Солнца» микадо и задержать в Чемульпо русские военные корабли до подхода туда японской эскадры адмирала Уриу. Это предложение совпадало с официальными указаниями Британского адмиралтейства всемерно содействовать союзной Японии, но делать это по возможности незаметно для русских. Ввиду этого коммодор приложил все старания для того, чтобы рассеять опасения Руднева о возможности в ближайшие дни начала военных действий со стороны Японии. Бейли клятвенно уверял своего «друга» сэра Руднева в незыблемости корейского нейтралитета и своей готовности защищать нейтралитет Кореи всеми наличными средствами вплоть до применения артиллерийского огня против его нарушителей.

– Япония слишком слаба, чтобы рискнуть на единоборство с огромной Российской империей. Но недавние лёгкие победы над Китаем вскружили некоторые горячие головы. Возможно, что японцы рискнут на морскую демонстрацию против Владивостока, Порт-Артура или Чемульпо, но на открытый конфликт они никогда не рискнут. Таково моё мнение, равно как и мнение первого лорда Адмиралтейства правительства его британского величества короля Эдуарда⁴².

– Внезапный уход «Чиоды» внушает мне самые серьёзные опасения, – возразил Руднев, пытливо вглядываясь в непроницаемое лицо своего собеседника.

– Я уверен, что сегодня ночью крейсер вернётся на рейд... – отозвался англичанин, припоминая указания по этому вопросу Терауче.

– ...вернётся в сопровождении целой эскадры... – перебил Руднев.

– Заверяю вас, сэр, здесь, в Чемульпо, будет соблюден самый строгий нейтралитет. В этом заинтересованы стационары всех стран, находящиеся на рейде. Даю вам слово англичанина, мы сумеем воздействовать на нашего союзника сдерживающим образом, – категорически утверждал Бейли.

Руднев понял, что ничего большего он не добьётся, и направился на «Варяг». Там его встретили сообщением, что радист непрерывно принимает сигналы на японском языке. Адмирал Уриу отдавал своей эскадре различные приказы. Надо было торопиться с отправкой «Корейца» в Порт-Артур. Руднев вызвал к себе командира канонерской лодки капитана второго ранга Беляева и приказал ему возможно скорее собираться в поход. При следовании в Артур Беляев должен был всячески избегать столкновений с японцами и не поддаваться на возможные с их стороны провокации.

– Ваша основная задача – во что бы то ни стало срочно доставить наместнику секретные пакеты и предупредить его о подозрительном поведении японцев в Корее, – напутствовал Руднев командира «Корейца».

Через полчаса канонерская лодка уже вышла в море. Было половина четвёртого пополудни.

Стояла тихая, слегка мглистая морозная погода. Медленно развернувшись, «Кореец» прошёл мимо «Варяга», а затем, миновав иностранные крейсера, подошёл к находящейся у входа корейской брандвахте⁴³.

⁴² Эдуард – Эдуард VII (1841–1910), английский король (1901–1910).

⁴³ Брандвахта – судно, поставленное в гавани на рейде за наблюдением движения судов. Брандвахтой называют также суда, предназначенные для жизни и дежурства пожарных команд.

Расположенный в глубине бухты, город быстро исчез в тумане. На рейде смутно проступали торговые и военные суда. Вдали сквозь мглу открылся перед входом на рейд остров Идольми, справа и слева от которого проходил фарватер, обставленный буйками, уже по-ночному подмигивающими разноцветными огоньками.

На мостике находился сам Беляев, высокий, рослый мужчина лет пятидесяти, с изящной, почти седой бородкой и огромным красным носом, и штурман, поджарый, с энергичным лицом, лейтенант Левицкий, который внимательно следил за створами фарватера.

– Жалко, что стоит штиль, – заметил Беляев, – а то поставили бы паруса и двойной тягой пара и ветра живо добежали бы до Артура.

– Подождите, Иван Александрович, – отозвался Левицкий, – выйдем из Идольми, там, быть может, и засвежеет. Пока же мы идём этим кручёным фарватером, паруса нам будут только мешать.

– Люблю парусное дело. Чисто, никакой копоти и вони, спокойно, не тарахтит эта проклятая машина, да и больше морской лихости! Особенно когда под свежим ветром приходится рифы⁴⁴ брать. По марсам⁴⁵ и реям⁴⁶ разбегутся матросы и висят на мачтах над кипящей бездной моря. Ничего этого нет на современных утюгах. Все сейчас в технике, а былую лихость негде и применить.

– Да, Иван Александрович, вам, должно быть, трудновато придётся, коль скоро вы получаете в командование крейсер или другое судно.

– Ну их к шутам совсем! Двадцать пять лет плавал почти всё время под парусами, а теперь изволь-ка на старости лет переучиваться, всякие там электрические да гальванические штучки изучать. Нет, лучше выйти в отставку, пойти капитаном на какую-нибудь парусную шхуну и доживать свой век, бороздя моря и океаны под марселями да кливерами⁴⁷.

– По носу японские корабли, вашбродие, – доложил сигнальщик.

– Они нам не помеха. Пусть стоят себе на здоровье у Идольми. Сообщите о них сигналом на «Варяг».

– Слева на параллельном курсе четыре их же миноносца, – продолжал сигнальщик.

– Похоже, что они нас поджидают у выхода в море, – забеспокоился Левицкий.

– Сколько их всего-то?

– На норд-весте шесть крейсеров, во главе с броненосным крейсером «Асама», а на юге пока шесть миноносцев, которые идут на сближение с нами.

Оба офицера подняли бинокли и стали всматриваться в темнеющие в тумане силуэты японских судов.

На палубе расположились возвращаемые в Артур из Сеула матросы с «Севастополя», где они несли охранную службу, и забайкальские казаки.

Севастопольцы иронически поглядывали на парусный рангоут «Корейца» и предлагали матросам канонерки распустить паруса для увеличения хода.

– Так ветра же нет, – возражали матросы «Корейца».

– А мы подует, – предлагали шутники.

Приблизившись к японской эскадре, «Кореец» хотел было оставить её в стороне, но японские миноносцы уклонились влево, а крейсера – вправо, и канонерская лодка оказалась между кильватерными колоннами японских судов. Было хорошо видно, как на кораблях орудия и

⁴⁴ **Рифы** – ряд продетых сквозь парус завязок, при помощи которых можно уменьшить площадь паруса – брать рифы – во время штормового ветра.

⁴⁵ **Марс** – площадка на верхней части мачты для наблюдения. На боевых кораблях на марсе находятся посты управления огнём, дальномёры и т. п.

⁴⁶ **Рей** – брус, прикреплённый к мачте горизонтально к палубе, служит для крепления парусов.

⁴⁷ **Марселя и кливера** – марсель – прямой парус, ставящийся на марса-рее; кливер – косой треугольный парус, устанавливаемый впереди передней мачты фок-мачты.

минные аппараты торопливо приводились в боевое положение, с них снимались чехлы, стояла прислуга, готовая к немедленному открытию огня по «Корейцу». Когда лодка поравнялась с головным японским кораблём, лёгким крейсером «Нанива», на котором развевался адмиральский флаг, идущий в конце броненосный крейсер «Асама», в девять тысяч тонн водоизмещения, вышел из строя и преградил дорогу русскому кораблю. Одновременно на нём подняли сигнальные флаги, и бортовые орудия направили дула на «Корейца».

– Разберите сигнал, – приказал Беляев вахтенному начальнику мичману Бирюлёву.

– Но каково нахальство! Преграждать путь военному кораблю дружественной державы и при этом угрожать открытием огня! – возмущался Бирюлёв, перелистывая код международных морских сигналов.

– Дружба-то наша с Японией, видать, кончилась, – возразил Левицкий. – Давно уж в здешних местах пахнет порохом. Только наши горе-дипломаты этого не замечали.

– Если нас не пропустят через северный фарватер, попробуем пройти южным. Положите лево руля, – распорядился Беляев.

Но едва канонерская лодка изменила курс, как перед ней выросло сразу четыре миноносца. На палубах этих кораблей была видна прислуга при орудиях и минных аппаратах, один из них для большей убедительности выпустил по «Корейцу» мину, которая прошла под его кормой.

– Пробить дробь-тревогу! Изготовиться к бою! – скомандовал Беляев срывающимся от волнения голосом.

Тотчас по русскому кораблю разнеслись, слившись в зловещем аккорде, резкие звуки горна и глухая барабанная дробь. Палуба заполнилась матросами, кинувшимися к пушкам, пулемётам и к минным аппаратам. Звякнули открываемые орудийные замки, загремела подача, и «Кореец» с обоих бортов ошестинился дулами орудий. Офицеры устремились на мостик в ожидании приказа от своего командира.

– Куда же нам деться, вашбродие? – испуганно спрашивали у офицеров казаки. – Кони ж наши от стрельбы со страху попрыгают в воду.

– Не до вас! Держите своих лошадей как хотите, – отмахивались от них моряки.

«Вернуться обратно в порт», – разобрал наконец сигнал Бирюлёв.

– Стоп! – скомандовал в машину Беляев. – Что же нам делать, господа? – обернулся он к взволнованным офицерам.

– Вступить в бой с японцами – чистое безумие! Через три минуты мы будем на дне и, кроме того, не успеем предупредить «Варяга», который, ничего не подозревая, стоит без паров в Чемульпо. Его могут захватить врасплох и взять в плен. Поэтому нам необходимо возвращаться, – за всех ответил Левицкий, сохранивший спокойствие при неожиданном нападении японцев.

Памятуя указания Руднева не ввязываться в бой, Беляев тотчас же согласился с этим.

– Назад, до полного, – скомандовал он в машину. – Право на борт!

Забурлив водой, «Кореец» стал поспешно отходить перед всё приближающимися японскими судами.

Расстояние до некоторых миноносцев сократилось до одного-полутора кабельтовых. На ближайшем из них в бинокль прекрасно были видны смеющиеся физиономии японцев, стоящих у орудий. На командирском мостике, широко расставив ноги, с сигаретой в зубах, стоял командир и делал неприличные жесты по направлению русских.

– Вашбродие, – обратился к Левицкому комендор одной из маленьких тридцатисемимиллиметровых револьверных пушек, – дозволейте стрелять!

– Не смей стрелять! Японцы нас моментально потопят, – в ужасе заорал мичман Бирюлёв, оттаскивая комендора.

– Так и мы же, вашбродие, не безоружные! Пока он нас потопит, мы прихватим не один миноносец, – упирался матрос.

Развернувшись, «Кореец» полным ходом направился в Чемульпо. Японские миноносцы конвоировали его с обеих сторон.

Беляев трясся от волнения и негодования, но сдерживался, хотя офицеры и просили у него разрешения обстрелять наглого противника.

– Мы уже в нейтральных водах, поэтому нельзя открывать огня, – убеждал их Беляев.

Но тут один из матросов не вытерпел и неожиданно без команды дал-таки два выстрела из револьверного орудия по ближайшему миноносцу. Были ли попадания, никто не разглядел, но японцы тотчас отстали.

– Давно бы так! – пробурчал один из офицеров. – Нахалов всегда надо учить.

Уже с темнотой войдя на рейд, пробили отбой, но у орудий всё же оставили часть прислуги. «Кореец» стал за кормой «Варяга», и Беляев тотчас же поехал с докладом к Рудневу.

Командир «Варяга» целый день провёл в подготовке крейсера к бою. Из перехваченных японских радиogramм выяснилось наличие около Чемульпо целой эскадры адмирала Уриу, которая сопровождала пароходы с десантом. Японцы, очевидно, собирались высадить его если не в самом Чемульпо, то где-то поблизости от этого порта, что явилось бы нарушением корейского нейтралитета и грозило войной.

Руднев всё же надеялся, что «Корейцу» удастся прорваться в Порт-Артур и уведомить наместника адмирала Алексеева о тревожном положении в Корее. Одновременно командир «Варяга» попытался снова связаться с русским посланником в Сеуле, но почта была занята японцами и телеграф не действовал.

По-зимнему рано, в пять часов по местному времени, стемнело, с моря волнами наплывал туман, и возвращающегося «Корейца» опознали лишь тогда, когда он почти вплотную подошёл к «Варягу», бросив якорь неподалёку от него.

Всем стало ясно, что с канонеркой что-то случилось. Руднев с нетерпением поджидал Беляева и, как только он поднялся на палубу крейсера, встретил его у трапа.

– Японцы преградили нам дорогу в море и под угрозой своих орудий заставили вернуться в Чемульпо, – одним духом выложил Беляев.

– Значит, начало военных действий неизбежно! – ответил ему Руднев.

Затем он увёл Беляева к себе в каюту и заставил его подробно рассказать обо всём происшедшем с «Корейцем».

В это время вахтенный начальник через вестового доложил, что следом за «Корейцем» на рейде недалеко от «Варяга» бросили якорь два японских крейсера, четыре миноносца и три транспорта.

В темноте слышались отрывистые слова японской команды и шумдвигающихся по палубам матросов. Мичман Нирод перевёл, что на японских кораблях отдана команда зарядить минные аппараты и направить их на русские корабли. Руднев приказал пробить боевую тревогу и вызвать всех матросов к орудиям и минным аппаратам.

Ощетинясь орудиями, «Варяг» приготовился встретить нападение врага. Едва встав на якорь, японцы принялись высаживать десант на берег. Мимо «Варяга» на буксире катеров проплывали шаланды с пехотой и артиллерией и направлялись к пристаням, где торопливо и высаживались. С «Варяга» было видно, как японские солдаты грелись около разложенных на берегу больших костров.

– Японцы захватывают Чемульпо и отрезают нас от суши, лишают всякой связи со всем миром, – забеспокоился Беляев.

– Быть может, это делается по соглашению с нашим посланником Павловым? – высказал предположение Степанов.

– Этого не может быть, – возразил Руднев. – Он протестовал даже против высадки здесь одного батальона японцев, а сейчас высаживается не менее полка, да ещё с артиллерией. Кроме того, Павлов, наверное, поставил бы меня об этом в известность. Несомненно, японцы в нарушение корейского нейтралитета занимают своими войсками Чемульпо.

– Тогда необходимо заявить самый энергичный протест против этих захватнических действий, – горячился Беляев.

– Я немедленно заявлю протест коммодору Бейли, но думаю, что он останется без последствий. Протестовать тут надо огнём орудий, а не дипломатическими нотами, – отозвался Руднев.

Через несколько минут он в полной парадной форме, в треуголке на голове, с палашом, уже прибыл на «Талбот» в сопровождении мичмана Нирода.

Выслушав Руднева, коммодор Бейли отправился на один из прибывших японских крейсеров для «выяснения причин нарушения корейского нейтралитета».

Руднев не стал его ожидать и вернулся на «Варяг».

Несмотря на позднее время, на крейсере никто не спал. Артиллеристы дремали около своих пушек, вахтенные и сигнальщики не сводили глаз с моря и японских кораблей, силуэты которых смутно темнели в тумане.

Руднев обошёл весь корабль. Как всегда в минуты опасности, он был совершенно спокоен, шаг его твёрд, голос весел. Его спокойствие передавалось и команде. Матросы слушали его уверенный голос, видели неторопливую, по-морскому с перевалочкой походку, и бодрость любимого начальника передавалась им.

– С таким командиром не пропадём! Он знает, что надо делать, – говорили между собой матросы.

Мучительно медленно тянулось время, наполненное тревожными звуками непрерывного движения японских лодок и катеров, высаживающих десант. Стихло только под утро. Туман ещё более сгустился, полностью скрыв суда на рейде.

Когда забрезжил рассвет, на рейде не оказалось ни одного японского корабля. Они ушли под покровом ночи и тумана. Зато весь город был уже занят японскими войсками. Во многих местах развевались флаги Страны Восходящего Солнца.

Вскоре к Рудневу подошёл Нирод и доложил, что по радио японцы передают распоряжения своим судам приготовиться к бою с русскими военными кораблями, находящимися на рейде в Чемульпо.

– Командующий японской эскадрой адмирал Уриу даёт указания отдельно каждому из своих кораблей, – закончил Нирод.

– Не может же японская эскадра атаковать нас здесь, на якорной стоянке в нейтральном порту! – недоумевал Руднев, но всё же приказал сыграть боевую тревогу.

Утренний туман постепенно рассеялся. К «Варягу» подошёл катер с французского стационара крейсера «Паскаль», на котором находился командир последнего капитан Виктор Сене. Француз сообщил о получении им приглашения срочно прибыть на «Талбот» на совещание по поводу высадки японского десанта в Чемульпо. Руднев решил ехать вместе с ним.

К своему удивлению, они застали там в сборе всех командиров иностранных судов, которые о чём-то совещались с коммодором Бейли.

При появлении Руднева и Сене они тотчас замолчали и поднялись им навстречу.

Командир «Варяга» официальным тоном зачитал свой протест по поводу высадки японцев в Чемульпо и передал его англичанину, после чего обменялся рукопожатиями со всеми присутствующими.

– Вам, вероятно, сэр, неизвестен этот документ, – проговорил Бейли, протягивая испсанную бумагу Рудневу, который прочитал следующее:

«Сэр! Честь имею уведомить Вас, что, ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Русской империями, я должен атаковать военные суда Русского правительства, находящиеся в Чемульпо, силами, находящимися под моей командой, в силу чего я почтительнейше прошу Вас удалиться от места предстоящего сражения, дабы состоящие под Вашей командой суда при этом не пострадали. Начало атаки будет иметь место не ранее четырёх часов пополудни девятого сего февраля 1904 года. То же почтительнейше прошу передать и торговым судам Вашей нации.

Имею честь быть, сэр, Вашим покорнейшим слугой.

С. Уриу.

Контр-адмирал, командующий Имперской Японской эскадрой на рейде Чемульпо».

– К сожалению, я такого документа не получал, – добавил Руднев, окончив чтение.

– Он был послан всем командирам нейтральных судов. Вам же, сэр, через российского консула был отправлен следующий вызов, – отозвался Бейли и прочитал:

«Командиру крейсера «Варяг» Императорского Российского Флота. Сэр! Ввиду начала военных действий между Японией и Россией я имею честь почтительнейше просить Вас покинуть со всеми судами, находящимися под Вашей командой, порт Чемульпо до полудня 9 февраля 1904 года (27 января 1904 года по русскому стилю). В противном случае я атакую Вас в порту.

Имею честь быть Вашим почтительнейшим слугой.

С. Уриу. Контр-адмирал Императорского Японского Флота и командующий Японской эскадрой на рейде в Чемульпо».

И англичанин протянул бумагу командиру «Варяга».

– Прошу слова, сэр Бейли, – выступил Руднев, который уже обдумал план дальнейших действий. – Поскольку речь идёт о «Варяге» и «Корейце», которыми я имею честь командовать, разрешите мне высказаться по затронутому вопросу. Адмирал Уриу прислал мне вызов на бой. Я его принимаю и около полудня выйду с обоими русскими кораблями в открытое море. Надеюсь, что этим вопрос будет исчерпан.

– Вы настоящий храбрец, мосье! – воскликнул Сене, пожимая, руку Рудневу.

Как только француз опустился на свой стул, все заговорили сразу, не слушая друг друга.

– Это безумие с вашей стороны, сэр Руднев, вступать в бой со столь превосходящими силами, какие имеются у японцев, – громко ораторствовал Бейли.

– Я никогда не сомневался в храбрости наших русских друзей, но всё же не ожидал, что наш общий друг, мосье Руднев, так смело примет вызов адмирала Уриу, – вторил ему Сене.

– Я могу только восхищённо аплодировать, – заверял всех итальянец Бореа.

– Но всё же, рассуждая трезво, у вас, капитан Руднев, нет никаких шансов на успех в предстоящем бою. Ваша гибель неизбежна. Не проще ли самим взорвать ваши корабли, а офицеров и матросов разместить на нейтральных судах. В этом случае уцелеют хоть люди, – деловито предложил коммодор, разглаживая свои рыжие бакенбарды.

– С точки зрения гуманности это наиболее правильное решение, – поддержал его Сене.

– Но едва ли достойно настоящих воинов! По моему мнению, ваше предложение равносильно отказу принять бой, пусть и безнадёжный. Мы, русские, исстари привыкли спрашивать, где враг, а не считать его силы, – с достоинством ответил Руднев.

– Нам остаётся только преклониться перед вашим мужеством, синьор, – за всех ответил Бореа.

Командир «Варяга» стал прощаться. Коммодор потребовал шампанского, и все выпили за успех русских в предстоящем бою.

– Победа или смерть! Таков ваш лозунг, – резюмировал общие пожелания Бейли, пожимая на прощанье руку Руднева, который спешил вернуться на свой крейсер.

Оставшись один, Бейли тотчас отправил адмиралу Уриу копию протокола заседания с планами русских.

На «Варяге» о начале военных действий уже знали из письма русского консула в Чемульпо. Основные приготовления к бою были сделаны накануне, и теперь лишь принялись окончательно приводить артиллерию в боевой порядок, очищать палубу от хлама, выбрасывать за борт лишнее дерево, снасти – всё, что могло дать пищу огню, Осматривали и задраивали водонепроницаемые перегородки, люки, запасные полупорты в артиллерийской палубе. Опробовали противопожарные средства, прокладывали пожарные шланги.

«Варяг» принадлежал к классу лёгких крейсеров дальних разведчиков. Он имел значительную артиллерию и обладал хорошим ходом. Красивый, стройный четырёхтрубный корабль с двумя мачтами, крейсер был построен в 1899 году в Америке, на филадельфийских верфях. Водоизмещение его достигало шести тысяч пятисот тонн при длине в сто двадцать метров и ширине в пятнадцать метров. Бортовой брони он не имел, на нём была лишь броневая палуба, и то незначительной толщины. Артиллерийское вооружение крейсера составляло двенадцать шестидюймовых, двенадцать семидесятипятимиллиметровых и четырнадцать мелких пушек. Орудийных башен на крейсере не было, и пушки стояли открыто, имея лишь щитовое прикрытие. Располагалась артиллерия следующим образом: в носовой и кормовой части – шесть шестидюймовых и две семидесятипятимиллиметровых пушки, по бортам находились по четыре семидесятипятимиллиметровых пушки, мелкая артиллерия была разбросана по всему кораблю. «Варяг» развивал скорость до двадцати трёх узлов. По скорости и силе вооружения в японском флоте не было равного ему лёгкого крейсера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.